
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2021/2

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2021

Редакционный совет:

Доц. д-р Антония Пенчева, проф.д-р Татьяна Алексиева, проф.д-р Елена Стоянова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева

Международный редакционный совет:

проф.д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф.д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф.д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф.д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф.д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф.д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. д-р Илиана Владова – главный редактор – docvladova@mail.bg
проф. д-р Валентина Аврамова – зам. гл. редактора
доц. д-р Радослава Илчева – зам. гл. редактора
доц. д-р Ценка Досева
д-р Владимир Манчев – отв. секретарь
ст. пр. Светослав Арсениев – технический секретарь

Журнал „Болгарская русистика» включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ по адресу:<http://www.eLibrary.ru>
ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

В.П. Иванова

ТЕОРИЯ МЕТОНИМИИ – ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И КОНЦЕПЦИИ. ТИПОЛОГИЯ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ	5
---	---

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Е. Метева

Ф. М. Достоевский	22
-------------------------	----

Н. М. Нейчев

ФРОНОС И КАЙРОС В „БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ» Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО	31
---	----

А. Б. Криницин

ОБРАЗ РУСЬ-ТРОЙКИ У ГОГОЛЯ („МЕРТВЫЕ ДУШИ”) И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО („БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ”)	45
--	----

В.Ф.Молчанов

СИМВОЛ ВЕРЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.....	61
------------------------------------	----

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Р. В. Илчева

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ	68
----------------------------	----

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. В. Робский

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ИЗУЧЕНИЮ ПУНКТУАЦИИ.....	85
---	----

ЮБИЛЕИ

Э. Т. Тилев

ДОЦ. Н.ЧЕРНЕВОЙ, ДОЦ. М. КУЗОВОЙ И Д-Р ЛЮДМИЛЕ МИНКОВОЙ ИСПОЛНИЛОСЬ 60 ЛЕТ	95
---	----

РЕЦЕНЗИИ

И. В. Баева

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ	
--	--

ПРЕОДОЛЕНИЕ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ» 99

IN MEMORIAM

Э. Т. Тилев

Владимир Владимирович Лопатин 105

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 107

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 109

ЛИНГВИСТИКА

Иванова Ваня Панева
доктор филологии, главный ассистент
Великотырновский университет
им. Святых Кирилла и Мефодия
Болгария, г. Велико Тырново
e-mail: vania.ivanova1@gmail.com

Ivanova Vanya Paneva
Ph.D., Senior Lecturer
St. Cyril and St. Methodius University
of Veliko Tarnovo
Bulgaria, Veliko Tarnovo
e-mail: vania.ivanova1@gmail.com

В.П. Иванова

ТЕОРИЯ МЕТОНИМИИ – ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И КОНЦЕПЦИИ. ТИПОЛОГИЯ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ

Аннотация. В статье представлены основные направления и концепции в изучении метонимии, рассматривающие метонимический перенос названия как логико-семантическое явление в рамках теории регулярной многозначности и как способ концептуализации мира в русле когнитивного направления в лингвистике. Рассмотрены различные мнения, подходы и семантические модели в типологии метонимических переносов с точки зрения лексической семантики в лингвистическом плане, а также понятийные формулы метонимизации с позиции когнитивистики.

Ключевые слова: метонимия, логико-семантическое направление, когнитивное направление, метонимическая модель, типология метонимических переносов

V.P. Ivanova

METONYMY THEORY – MAIN DIRECTIONS AND CONCEPTS. TYPOLOGY OF METONIMIC TRANSMISSIONS

Abstract. The article presents the main concepts in the study of metonymy, considering the metonymic transmission of a name as a logical-semantic phenomenon according to the logical-semantic direction in linguistics and as a way of conceptualizing the world in the cognitive direction. Various opinions, approaches and semantic models in the typology of metonymic transmissions from the point of view of lexical semantics in linguistic terms, as well as conceptual formulas of metonymization from the perspective of cognitive science are considered.

Key words: metonymy, logical-semantic direction, cognitive direction, metonymic model, typology of metonymic transmission

Метонимия – языковое явление, которому, наряду с метафорой,

посвящены многочисленные исследования. Тем не менее она часто остается в тени метафоры в работах, рассматривающих семантическую деривацию (с точки зрения структурно-семантического направления в лингвистике) и ментальные средства концептуализации действительности (с позиции когнитивистики). В настоящей статье делается попытка перечислить и упорядочить в сжатом виде основные концепции в отношении метонимии, принятые в русском языкознании, а также представить типологию метонимических переносов с точки зрения теории регулярной многозначности и с позиции когнитивного направления в лингвистике.

1. Теория метонимии – основные направления и концепции

Термин «метонимия» (греч. μετωνυμία – переименование) появляется, как и метафора, во времена Античности. Еще с того времени явление метонимии рассматривается с одной стороны как средство художественной речи, с другой – как способ номинации, а причинами возникновения метонимического переноса преимущественно считаются различные психологические процессы – связи и ассоциации между понятиями по смежности. В многочисленных научных разработках, посвященных данному явлению, обычно цитируются первые формулировки определения метонимии, высказанные античными философами. По словам Цицерона «... метонимическими выражениями считаются такие, в которых вместо точно соответствующему предмету слова представляется иное с тем же значением, заимствованное от предмета, находящегося с данным в теснейшей связи» [1, с. 218]. Определение Квинтилиана гласит: «Метонимия состоит в замене одного названия предмета другим. Сущность ее заключается в замене того, о чем говорится причиной этого последнего» [1, с. 222].

Античные определения метонимического переноса сохраняются, хотя и с некоторыми изменениями, и в более поздних исследованиях. Исходя из **психологической трактовки** явления, Ж. Стерн воспринимает метонимию как сдвиг субъективной связи между словом и говорящим. Перенос имени в этом случае возникает благодаря изменению представления говорящего об объекте,

который он видел в различных его проявлениях: материал в предмете, часть в целом, производитель в продукте и т. п. [37, с. 354]. Ш. Балли также рассматривает метонимию как результат особенности человеческой мысли и способа анализа объектов действительности, выясняя, что в процессе восприятия возможно принять часть чего-либо за целое, а также смешать два объекта, связанные между собой каким-либо отношением. Ш. Балли указывает в качестве причин возникновения метонимии «инерцию мысли и языковую инерцию» [5, с. 222] и считает, что в большинстве случаев метонимия, синекдоха, а также метафора основываются на «паралогизмах спонтанного восприятия» [5, с. 223].

Дальнейшее понимание метонимии как явление психологического характера дополняется и конкретизируется Г. Паулем и С. Ульманном. Г. Пауль рассматривает семантические изменения в объеме и содержании, соотнесенных со словами представлений и выделяет смысловые трансформации на основании пространственных, временных или каузальных связей, что представляет суть явления метонимии [17, с. 102–106]. С. Ульман видит причину семантических изменений в существовании ассоциаций между словами в речи и ассоциаций между смыслами, возникающими в сознании человека и определяет метонимию как перенос по смежности понятий [27, с. 280–285]. Понятие «смежность» как основа метонимии обнаруживается в различных трактовках этого явления и «повторяется с поразительным постоянством» [6, с. 10] в многочисленных справочниках и работах по данному вопросу. Оно присутствует в определениях А. А. Реформаторского: «Метонимия – такой перенос названия, который совершается не на основании сходства внешних или внутренних признаков прежней вещи или новой, а на основании смежности, т.е. соприкасания вещей в пространстве или во времени» [24, с. 86], Д. Н. Шмелева «Метонимия – наименование того или иного предмета или явления перенесено на другой предмет или явление по смежности» [30, с. 97] и др. Подобное определение метонимии в общих чертах сохранилось до наших дней и присутствует в различных современных работах и пособиях [25, с. 274].

Кроме как феномен психологического характера, метонимия рассматривается и как фундаментальное логическое и языковое явление, а также как средство стилистической окрашенности художественной речи (троп). В лингвистике в рамках теории регулярной многозначности метонимические переносы исследуются в качестве способов семантической деривации и средств вторичной номинации. С когнитивной точки зрения метонимия, как и метафора, считается универсальной формой мышления и конструирования понятийной системы для восприятия действительности. Таким образом, различные исходные положения в понимании явления метонимии могут быть объединены в рамках двух основных направлений: логико-семантического и когнитивного.

1.1. Логико-семантическое направление

С точки зрения этого направления семантические изменения на основе метонимии связываются с формально-логическими отношениями между понятиями; в процессе интерпретации данного явления все авторы исходят из какого-нибудь представления об определенной логико-семантической схеме [21, с. 335–336].

Известно, что существует пять формально-логических отношений между понятиями: отношения равнозначности (тождества, эквивалентности), исключения (внеположенности, дизъюнкции), включения (подчинения), пересечения (перекрещивания) и контрарности (противоположности). Исходя из противопоставления типов формально-логических отношений, А. А. Потенбя рассматривает метонимию как результат пересечения (перекрещивания) понятий. «Понятие А заключается в X лишь отчасти, например, птицы (X) или лес (A) в (лесные птицы). Представление такого X в виде A, или наоборот, называется метонимия, переименование, замена имени другим, например «лес поет» (лесные птицы)» [23, с. 208]. Результатом включения понятий А. А. Потенбя считает синекдоху¹ «Значение А вполне заключено в X, или наоборот, X обнимает в себе все А без остатка, например, человек (A) и люди (X). Представление такого X в виде A, или

¹ В настоящем исследовании придерживаемся точки зрения, согласно которой синекдоха понимается как разновидность метонимии.

наоборот называют *συνεκδοχή*, соподраживание, совключение ..., *pars pro toto*» [23, с. 208].

Точка зрения А. А. Потебни в основном сохраняется в дальнейших исследованиях и обнаруживается с некоторыми изменениями у других авторов. В. Г. Гак также связывает метонимию (и метафору) с отношениями пересечения (перекрещивания), хотя он рассматривает отношения подчинения (включения) только как основу родо-видовых изменений. В. Г. Гак обозначает эти изменения как явления расширения и сужения и ставит их вне рамок понятия метонимии [8, с. 83–85].

Логическим явлением считают метонимию и Ж. Дюбоа, Ф. Эделин и др. Однако они усматривают ее действие единственно в области непересекающихся классов единиц. «При метонимии заменяемое и заменяющее понятия не имеют общей семантической части. Иначе говоря, если в основу метафоры положено семическое пересечение двух классов, то метонимия действует в области непересекающихся классов» [32, с. 195; цит. по: 6, с. 12].

А. Л. Новиков [15] также придерживается такой точки зрения и считает, что заменяемое и заменяющее понятия не пересекаются, но сосуществуют в едином функциональном пространстве. Вслед за Р. Якобсоном [31, с. 121] он видит суть метонимии в проекции с оси обиходного текста на ось субституции и селекции. Однако, ссылаясь на слова Н.Е. Сулименко, что «вряд ли справедливо не видеть общей семантической части у заменяемого и заменяющего в случаях метонимии» [25, с. 274], можем отметить, что большинством лингвистов взгляд о непересечении семантических объемов понятий при метонимии не разделяется.

В качестве **явления лексической семантики** и средства вторичной номинации **в лингвистическом плане** метонимия является предметом внимания Р. Якобсона [31], В. Н. Телии [26], Н. Д. Арутюновой [4], Д. Н. Шмелева [30], Л. А. Новикова [16], Ю. Д. Апресяна [2], А. Бириха [6], А. А. Уфимцевой [28], Е. Л. Гинзбург [9] и др.

Определение Н.Д. Арутюновой гласит, что «метонимия – это троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или

единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [4, с. 300].

В типологии вторичной номинации В. Н. Телия характеризует метонимию как способ развития смыслового содержания на основе смежности признаков того, что уже обозначено в предшествующем значении слова. Процесс метонимизации состоит в «извлечении какого-либо свойства из уже оязыковленного отражения действительности в силу его смежности со свойством нового обозначаемого и выбор ему имени, отражающего в своей семантике эту смежность» [26, с. 210].

Понятие «смежность» по сути понимается как «реальная связь между предметами и явлениями объективной действительности» [6, с. 11]. Мыслительным аналогом связей реального мира являются импликационные связи между понятиями. Импликация в общем виде состоит в том, что в силу необходимых и возможных связей из наличия А заключают о наличии В. Поскольку в сознании отражены не только сущности объективного мира, но и их связи, один концепт может предполагать и «вызывать» (имплицировать) другой [14]. Метонимия – тот случай импликационного совмещения понятий в слове, когда выражение данного понятия осознается как вторичная ономаσιологическая функция слова, уже «занятого» каким-то другим понятием. Иначе говоря, метонимия – это выражение понятия словом, за которым в первичном распределении номинаций закреплено выражение иного понятия, связанного с первым импликационной зависимостью [14].

В других разработках, посвященных метонимии, излагаются семантико-синтаксические основания метонимического переноса. Р. Якобсон исследует метонимию с точки зрения конструкции высказывания. Он выделяет два способа организации языкового высказывания: выбор и комбинация. Выбор лингвистических единиц производится на основе эквивалентности, семантического сходства, синонимии и антонимии, семантической смежности и принадлежит парадигматическому плану языка. Комбинация лингвистических элементов основывается на принципе позиционной смежности и позиционного сходства.

Два вида связей – сходство и смежность рассматриваются в двух их аспектах: семантическом и позиционном. Семантическое сходство обнаруживается у языковых элементов, имеющих общие семантические признаки (при различии всех остальных семантических признаков). Семантическая смежность устанавливается между значениями слов, обозначающих предметы и явления, между которыми существуют реальные связи (пространственные, временные, причинно-следственные и др.). Позиционное сходство есть постановка одного из двух элементов (семантически сходных или семантически смежных) на место, обычно занимаемое вторым элементом. Позиционная смежность понимается как линейное расположение элементов в речевой цепи. Таким образом, метонимия является следствием комбинации семантической смежности (на основе реальных связей) и позиционного сходства (постановка элемента на место другого элемента) [33, с. 76–78].

Семантико-синтаксическая обусловленность метонимии находит отражение и в постановке Л. Н. Мурзина, утверждающего, что метонимия образуется по принципу семантического сжатия предложения [13, с. 363–365]. А. Л. Новиков также трактует метонимию как свертывание конструкции [15, с. 39]. Е. Л. Гинзбург считает, что суть метонимии «в смене тематической составляющей схемы высказывания некоторым другим ее компонентом, смене, по отношению к которой инвариантом является сама эта схема» [9, с. 60–61], или, иными словами – метонимизация представляет собой подстановку одного слова вместо некоторого другого, обычно находящегося в синтагматической, контекстной связи с первым [9, с. 81–93].

1.2. Когнитивное направление

В когнитивной лингвистике первостепенное внимание уделяется изучению другого вида семантической деривации – метафоры, но интерес проявляется и к метонимии, которая также рассматривается в качестве важнейшего источника сведений об организации человеческого мышления [29, с. 37]. Поскольку используемая в когнитивистике методика описания типовых

переносов во многом зависит от задач исследования, его материала и теоретических взглядов исследователя [29, с. 46], в этом направлении нередко не проводится разграничение между метафорой и метонимией – явления, которые по сути имеют качественно различный механизм развития. Когнитивная лингвистика представляет метонимию как концептуальное явление и как фундаментальный прием познания и осмысления действительности [12, 34, 11 и др.].

Концептуальная метонимия рассматривается как фактор, обуславливающий структуру высказывания о фрагменте мира. Метонимический процесс состоит в ментальном оценивании одного концепта посредством другого [35, с. 32]. В русле такого рассмотрения метонимия понимается как когнитивный процесс, в котором одно концептуальное единство, рассматриваемое как средство или проводник, обеспечивает ментальный доступ к другому концептуальному единству, цели, внутри одной идеализированной когнитивной модели. По мнению G. Radden и Z. Kovecses когнитивный подход к пониманию метонимии опирается на следующие три постулата: 1) метонимия – это концептуальный феномен; 2) метонимия – это когнитивный процесс;

3) метонимия действует в рамках идеализированных когнитивных моделей [36, с. 17–61].

Метонимические концепты, как и метафорические, считаются составной частью обыденного мышления, способов речи и поведения. Они организованы системно, имеют референциальную функцию – метонимия позволяет одной сущности заменять другую. Примеры метонимии даются в контекстах типа: *HelikestoreadMarquisdeSade* (= *thewhitingsofthemarqis*) (Он любит читать *маркиза де Сада* (= работы маркиза)); *TheTimeshasn'tarrivedatthepress-conferenceyet* (*thereporterfromtheTimes*) (Газета «*Таймс*» еще не появилась на пресс-конференции (репортер газеты «*Таймс*»)); *Mrs.Grundyfrownsonbluejeans* (*thewearingofbluejeans*) (Миссис Гранди относилась с неодобрением к *синим джинсам* (к ношению синих джинсов)) [12, с. 61].

В качестве особого случая метонимии рассматривается и

синеκδοχα (замещение части целым и наоборот): *The automobile is clogging our highways* (= the collection of automobiles) (*Автомобили загроуди́ли наши шоссе* (= скопление автомобилей)); *We need a couple of strongbodies for our team* (strong people) (*Нашей команде необходима пара *сильных тел** (= сильных людей)) [12, с. 62].

Сторонники когнитивной точки зрения считают, что метонимия служит тем же целям, что и метафора, и используется похожим образом, но она позволяет точнее сконцентрироваться на определенных сторонах того, что обозначается. В когнитивных концепциях многократно подчеркивается, что метафора и метонимия не принадлежат только языку, а являются составной частью повседневного мышления, подвергающегося общим и системным принципам, и таким образом они структурируют наши мысли и действия [12, с. 61–67].

2. Типология метонимических переносов

2.1. Метонимические переносы в свете теории регулярной многозначности

В теоретических разработках, посвященных метонимии, многократно делались попытки упорядочить и систематизировать различные типы метонимического переноса. Наши наблюдения показали, что в классификациях объединяются на основе различных принципов весьма разнородные метонимические модели, а также семантический перенос названия очень часто не определяется на единых основаниях. Как указывает М. Попова, «один из спорных вопросов интерпретации метонимического акта состоит в отсутствии некоторого общего признака группирования метонимических моделей (т.н. «основание деления» в логике)» [21, с. 335–336].

Одна из самых распространенных точек зрения на классификацию данного явления – это выделение метонимических моделей на основе пространственных, временных или каузальных связей. Рассматривая пространственную и временную метонимию, М. М. Покровский выделяет «имена локальные» – когда слово, обозначающее процесс, обозначает и место, где он происходит (*гулянье*) и «имена темпоральные», где предметы и действия находятся в связях с определенным временем (*месяц* – лунный диск и

период времени) [19, с. 30–32].

Классификация, предложенная С. Ульманном, кроме локального и темпорального, включает и атрибутивный тип метонимического переноса [38, с. 217–219].

Метонимию, основанную на причинно-следственных связях, выделяют И. В. Арнольд [3], Л. П. Ефремов [10] и др. В типологии Л. П. Ефремова метонимические переносы подразделяются на пространственные (локальные), временные (темпоральные), причинно-следственные (каузальные), атрибутивные; сюда как самостоятельные типы метонимических переносов включены модели ‘материал – изделие’ и перенос названия части на целое и целого на его часть [10, с. 62].

Типология, предложенная Г. Н. Поспеловым, основывается на противопоставлении качественной (собственно метонимия) и количественной (традиционно – синекдоха) метонимии. В первую группу включаются метонимии места (*город* спал), времени (трудный *год*), «материал – изделие» (*медь* в кармане). Во вторую – «часть – целое» (не хватает *рук*), «один – много» (*медведь* в этих лесах не водится) [22, с. 56–62].

Синекдоха рассматривается в рамках метонимии также в работах Д. Н. Шмелева [30], Л. А. Новикова [16] и др.

Классификация Е.Л. Гинзбург базируется на синтактико-семантическом характере метонимических соответствий и их взаимодействии. На основании синтактико-семантических категорий ‘место’, ‘источник’, ‘цель’ и их немаркированного опозита ‘объектив’ автор выделяет шесть типов метонимических конструкций: 1) результативную с предикатами ‘это результат’, ‘это следствие’, ‘происходить от’, ‘быть из’; 2) причинную с предикатами ‘это источник’, ‘это причина’, ‘это мотив’ и т.п.; 3) инструментальную с предикатами ‘служить’, ‘это инструмент’, ‘это способ’, ‘это средство’, ‘быть для’; 4) объектную с предикатами ‘это требует’, ‘предполагает’, ‘это цель’, ‘это объект’, ‘это назначение’ и т.п.; 5) местную с предикатами ‘быть в’, ‘находиться в’, ‘происходить во время/в месте’, ‘участвовать в’, ‘это свойство’; 6) посессивную с предикатами ‘это место’, ‘иметь’ [9, с. 81–93].

Рассматривая регулярную многозначность имен

существительных, Ю. Д. Апресян выделяет 12 актантных значений, относящихся к метонимическому переносу, ср.: ‘действие’ – ‘субъект действия’ (*защита обвиняемого – свидетели защиты*), ‘действие’ – ‘объект действия’ (*выписка цитат – уничтожить выписку*), ‘действие’ – ‘результат действия’ (*вывих голени – вправить вывих*), ‘действие’ – ‘средство действия’ (*начинка пирогов – сладкая начинка*), ‘действие’ – ‘инструмент действия’ (*передача движения – велосипедная передача*), ‘действие’ – ‘место действия’ (*выработка руды – выработка опустела*), ‘состояние’ – ‘причина состояния’ (*развлечение гостей – массовые развлечения*), ‘свойство’ – ‘субъект свойства’ (*дерзость подчиненных – говорить дерзости*) и др. Далее, как «другие типы значения» Ю. Д. Апресян обособляет еще 37 типов значений, которые вписываются в рамки вторичных значений с логическим основанием включения, ср.: ‘растение’ – ‘плод этого растения’ (*абрикос*), ‘животное’ – ‘мех животного’ (*барашек*), ‘содержащее’ – ‘содержимое’ (*аудитория, стакан*), ‘деятельность’ – ‘люди, занимающиеся этой деятельностью’ (*руководство, учительство*), ‘мера длины’ – ‘измерительный инструмент в виде планки такой длины’ (*аршин*), ‘знак’ – ‘орудие для каузации знака’ (*клеймо, печать*), ‘явление’ – ‘наука, которая изучает это явление’, ‘искусство’ – ‘собрание произведений этого искусства’ и др. [2, с. 193–204].

В исследовании метонимических переносов в семантическом и грамматическом аспектах А. Бирих придерживается традиционного принципа классификации метонимии на основе типа связи между смежными денотатами. В его работе метонимические переосмысления распределены по шести основным типам: партитивному (синекдохе), каузальному (причинно-следственному), темпоральному (временному), локальному (пространственному), атрибутивному, квантитивному (количественному) [6, с. 31].

В указанных выше типологиях метонимические модели сформулированы различным образом и каждая из них базируется на различных принципах упорядочения метонимических переносов. В целях создания единой классификации разнообразных трактовки метонимии и способы выделения моделей могут быть объединены в две основные группы и такая группировка осуществляется с учетом

основания взаимодействия между двумя понятиями, соответственно между двумя лексическими значениями, участвующими в процессе метонимизации [21, с. 336]. «Одно из фундаментальных делений в языкознании – анализ языковых единиц посредством их объединения в классы по общим признакам, или посредством их расположения в линейной последовательности, является удачным при обособлении типов метонимических переносов в связи с их логической основой (отношениями включения и пересечения)» [20, с. 22]. В болгарском языкознании идея о синтагматическом и парадигматическом плане метонимии была разработана Е. Пернишкой [18, с. 180], дополнительно развита и использована в классификации терминологической лексики в болгарском языке М. Поповой [20, 21]. В качестве исходного принципа деления принимается противопоставление парадигматических и синтагматических связей между взаимодействующими в метонимическом акте лексическими значениями (соответственно между их семными комбинациями), т.е. противопоставление парадигматической и синтагматической метонимии [20, с. 23; 21, с. 343].

К первой группе этой классификации относятся модели метонимизации с логическим основанием включения, в которых между взаимодействующими семантическими компонентами обнаруживается *связь парадигматического типа*, иными словами, «они могут быть расположены по вертикальной оси» [21, с. 344]. В этом плане рассматриваются, во-первых, модели переноса названия *целого на его часть*, название *части на целое*, к которой оно принадлежит, и, во-вторых – перенос названия *родового понятия на видовое* и соответственно перенос названия *видового понятия на родовое*. Последние два типа переноса (род → вид, вид → род) традиционно трактуются как расширение и сужение значения (или расширение и сужение объема понятия и номинативной функции лексической единицы), что может быть отнесено к диахронному плану семантических изменений, а в синхронном плане они вполне закономерно могут рассматриваться как вид метонимии [18, 20, 21 и др.].

Вторая группа классификации включает модели, в которых *связь* между взаимодействующими компонентами

синтагматическая, т. е. они «располагаются по горизонтальной оси» [21, с. 344–345]. Как известно, «это расположение компонентов предикатно-актантной (аргументной) сцены, чье поверхностное выражение имеет форму простого или сложноподчиненного предложения» [21, с. 344–345]. Ее участники (компоненты) – предикат и актаны – имеют определенную семантическую роль и могут выступать в различных комбинациях. В этом смысле подчеркивается особая роль предиката, который содержит в себе схему всей ситуации, а его участие во всех моделях необязательно. Что касается актанта, то его роли на более низком уровне абстракции, как известно, могут быть различными: субъект действия (агентив), объект действия (объектив), результат (результатив), инструмент (инструментатив), место действия (локатив) и т.п., например: *защита₁* (действие) → *защита₂* (субъект действия); *замазка₁* (средство действия) → *замазка₂* (результат действия) и т.п.

2.2. Когнитивный подход в типологии метонимических переносов

Как было уже указано, в данном направлении не проводится особое разграничение между типами и способами возникновения переносных значений, поскольку для когнитивистов более показателен анализ ментальных пространств (понятийных сфер), к которым относятся прямое и переносное значения слова, чем выделение общих компонентов производящего и производного значений, являющихся причиной развития многозначности. Хотя, как отмечает А.П. Чудинов, в последние годы наряду с моделями концептуальной метафоры все чаще и чаще описываются метонимические модели, аналогично рассматриваемые как своего рода схемы человеческого мышления [29, с. 38].

В когнитивной лингвистике метонимия прежде всего признается «когнитивным механизмом репрезентации знаний и в результате их отражения в системных значениях языковых единиц, и в ходе построения высказывания» [7, с. 11]. Когнитивный механизм метонимии заключается в том, что в рамках той или иной концептуальной области (conceptual domain) один концепт (концепт-

средство – vehicle) может репрезентировать другой ее концепт (концепт-цель – target) или замещать собой всю область в целом. Замещение здесь обусловлено смежностью осмысливаемых явлений в действительности (как и в логико-семантических трактовках) – наличием некоторой реальной (временной, пространственной, причинно-следственной и т.п.) связи между ними. В этом плане однако считается, что метонимический перенос не является простой ментальной проекцией одного явления на другое, связанное с ним онтологически, а предполагает ряд мыслительных операций: профилирование того или иного элемента концептуализируемой области, фокусирование внимания на нем и депрофилирование других, незначимых элементов, отбор актуализируемых признаков и т.д. Реализации механизма метонимии обнаруживаются на разных языковых уровнях, в системе языка и в процессе речи.

Что касается типологии метонимических переносов в рассматриваемом направлении, И. М. Кобозева выясняет, что в когнитивной семантике метонимические отношения, так же как и метафорические, переосмысляются в терминах понятий, связанных с хранением и обработкой информации, например, таких как фрейм – структура данных об определенной сфере человеческого опыта, элементы которой являются т.н. слоты. Многозначность, основанная на метонимии, трактуется как перенос наименования с одного слота фрейма на другой. «Так, имя *мысль* может обозначать: 1) процесс мышления (ср. 1-е значение слова *мысль* в словаре Ожегова (1990)...; 2) инструмент мышления (ср. *Его мысль постоянно работает. Силой своей мысли он преодолел пространство и время.*); 3) идеальный объект – содержание недифференцированного ментального состояния (ср. 3-е и 4-е значение по словарю Ожегова): *Мысль, что сын подвергается опасности, не давала ей покоя. О бедность! Какими ты гнусными и подлыми мыслями наполняешь сердце человека,* 4) результат ментального действия, ср. *Он пришел к мысли о необходимости введения президентского правления;* 5) область, где разворачиваются ментальные действия (ср. *В мыслях он видел себя министром*); 6) философия как некоторая совокупность результатов ментального действия (ср. *Объектом его анализа была русская мысль первой половины XIX в.; Думаете ли вы, что между вашей мыслью и*

*марксизмом могут возникать в будущем «точки соприкосновения»?). Кроме того, имя *мысль* переносится и на связанный с фреймом *мысли* фрейм семиотической, или информационной деятельности, где выступает в качестве имени, обозначающего информацию, заключенную в сообщении (ср. *Постараюсь донести до вас основную мысль его выступления*)» [11, с. 171–172].*

Таким образом, в настоящей статье была сделана попытка представить основные концепции в изучении метонимии с учетом ее рассмотрения в пределах двух направлений – логико-семантического и когнитивного. Представлены также подходы в типологии метонимических переносов – разнообразные логико-семантические модели в рамках теории регулярной многозначности способы концептуализации действительности при помощи метонимизации с точки зрения когнитивной теории.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля. Фрейденберг О. М. (ред.) М.; Л.: ОГИЗ, 1936. – 344 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка), 2-изд., испр. и доп., М., 1995. – 408 с.
3. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного). Л.: Просвещение, 1966. – 192 с.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
5. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К.А. Долинина. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
6. Бирих А. Метонимия в современном русском языке (Семантический и грамматический аспекты), Verlag Otto Sagner, Munchen, 1995. – 191 с.
7. Болдырев Н.Н. Концептуальная метонимия на разных уровнях языка: система и реализация // Форма, значение и функции единиц языка и речи : матер. докл. Междунар. науч. конф. Минск, 2002. Ч. 1. – С. 11–14.
8. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М., 1971. – С. 78–96.
9. Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. М.: Наука, 1985. – 223 с.
10. Ефремов Л.П. Метонимическое обозначение человека названиями

- носильных вещей // Изв. АН Казахской ССР. Сер. Обществ. №7. Алма-Ата, 1967. – С. 61–71.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Под ред. и с предисловием А.Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
13. Мурзин Л.Н. Образование метафор и метонимий как результат деривации предложения (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. / Перм. гос. ун-т., Пермь, 1972. С. 362–366.
14. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие – 2 изд. испр. и доп. СПб, 2007. – 819 с.
15. Новиков А.Л. Семафоры проносятся мимо ... Об одном типе метонимии в русском языке // Русская речь. М., 1994, №5. – С. 37–42.
16. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
17. Пауль Г. Принципы истории языка М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
18. Пернишка Е. За системността в лексикалната многозначност на съществителните имена, София: БАН, 1993. – 276 с.
19. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: АН СССР, 1959. – 382 с.
20. Попова М. Още нещо към интерпретацията на метонимията // Български език, 2007. № 2. С. 19–29.
21. Попова М. Теория на терминологията, Велико Търново, 2012. – 688 с.
22. Поспелов Г.Н. Художественная речь. М.: Изд. Моск. ун-та, 1974. – 238 с.
23. Потемба А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. – 652 с.
24. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. Под ред. В.А. Виноградова. – 5-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
25. Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: учеб. пособие. – 2 изд. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 352 с.
26. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды. // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. – С. 129–221.
27. Ульманн С. Семантические универсали // Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: 1970. – С. 250–299.
28. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики, М.: Либроком 2010. – 240 с.
29. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография / Урал.

гос. пед. ун-т., Екатеринбург, 2003. – 238 с.

30. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

31. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М. Прогресс, 1990. – С. – 110–113.

32. Dubois J. u.a.: *Algemeine Rhetorik*. Munchen: Vilhelm Fink Verlag, 1974. – 344 s.

33. Jakobson R.: *The Metaphoric and Metonymic Poles*. In: Jakobson, R. and Halle, M.: *Fundamentals of Language*. Gravenhage: Mouton Co's, 1956. P. 76–82.

34. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

35. Langacker, R.W. *Reference-Point Constructions*. *Cognitive linguistics*. 4, 1993. – P. 29–40.

36. Radden, G., Kovecses, Z. *Towards a theory of metonymy*. In: K. Panther, G. Radden (Eds.), *Metonymy in Language and Thought*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 17–61.

37. Stern G. *Meaning and Change of Meaning: With Special Reference to the English Language*. – Bloomington & L.: Indiana University Press, 1964. – 456 p.

38. Ullmann S. *Semantics. An Introduction to the Science of Meaning*. – Oxford, 1964. – 127 p.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евдокия Георгиева Метева (1920-2018)
доцент кафедры русской литературы
Софийского университета им. Св.
Климента Охридского

Evdokia Georgieva Meteva (1920-2018)
Associate Professor of the Department of
Russian Literature Sofia University
St.Kliment Ohridski

Е.Г. Метева
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
1821-1881

Аннотация. В статье проводится детальный обзор переводов Ф. М. Достоевского в Болгарии за более чем столетний период (1886-1996 гг.). Намечаются основные этапы, отражающие интерес к творчеству писателя. Подчеркиваются достижения переводчиков – известных болгарских языковедов и писателей. Утверждается с основанием, что творчество Ф. М. Достоевского, как выдающегося представителя русской литературы, вызывает огромный интерес в Болгарии и способствует формированию эстетического вкуса болгарского читателя.

Ключевые слова: рецепция перевода, нравственная проблематика, основные произведения, литературные параллели, художественная специфика, философские взгляды, литературный стиль.

E.G. Meteva
F. M. DOSTOEVSKY
1821-1881

Abstract: The article provides a detailed review of F. M. Dostoevsky's translations in Bulgaria for more than a century (1886-1996). The main stages reflecting interest in the writer's work are outlined. The achievements of translators – well-known Bulgarian linguists and writers - are emphasized. It is argued with reason that the work of F. M. Dostoevsky, as an outstanding representative of Russian literature, arouses great interest in Bulgaria and contributes to the formation of the aesthetic taste of the Bulgarian reader.

Key words: reception of translation, moral issues, main works, literary parallels, artistic specifics, philosophical views, literary style.

Един от най-големите, духовно най-богати и сложни писатели в световната литература, Достоевски създава нов тип роман, в който

драматичните, динамично развиващи се сюжети, често изградени върху убийства и престъпления, се съчетават с дълбоко философска, нравствена и социална проблематика, насочена към най-острите въпроси на човешкото битие.

Кратките разкази и повести на писателя и особено големите му романи, между които такива световно признати шедьоври, като „Престъпление и наказание“, „Идиот“, „Братя Карамазови“ и други, са преведени на всички европейски езици. Между тях са и многобройните български преводи, излезли за пръв път у нас още през 80-те години на миналия век. Преди това, през епохата на Възраждането, са познавали творчеството му в оригинал главно българските младежи, получили образованието си в Русия, някои от които стават и активни негови популяризатори у нас. Именно на един от тях, С. Бобчев, дължим и първия български отзив за писателя. През 1880 г. той помества в пловдивското списание „Марица“ съобщение за известното честване на Пушкин, на което Достоевски произнася знаменитата си реч, силно развълнувала тогавашната културна общественост. На него принадлежи и първият у нас литературен очерк за писателя, поместен в пловдивското списание „Наука“ [1]. Пак там се появява и първата у нас творба на писателя „Мъничкият герой“ (1884, кн. 6) в превод на М. Каранов.

Ако Пловдив има преимуществото за най-ранно представяне на Достоевски в България, то в Шумен излизат първите крупни произведения на писателя. В края на 80-те години известният шуменски културен деец Васил Йорданов (Юрданов), училищен инспектор и редактор на три големи периодични издания, помества в списанието си „Искра“ преводите си на романите „Унижените и оскърбените“ (1889-90, кн.1-11) и „Престъпление и наказание“ (1889-90, кн. 1-10). Пак той, две години по-късно, отпечатва като самостоятелно издание в свой превод и най-крупния роман на Достоевски „Братя Карамазови“ (1892). Списание „Искра“ включва през 1892 г. откъси от „Из записната книжка на Достоевски“, а в сб. „Почивка“ (1893), издаден пак в Шумен, излизат и по-кратките повести на писателя „Малкият герой“ и „Детински празник и сватба“ („Елха и сватба“). От своя страна търновското списание „Труд“ помества свързаните със заточението на Достоевски в Сибир

„Записки от мъртвия дом“ (1890, кн. 8-12) в превод на Г. Д. Миндов и непълния превод на „Престъпление и наказание“ от М. Москов (1900). Силистра също участва с повестите „Бели нощи“ (1894) и „Крокодил“ (1894), а Варна с романа „Бесове“ (1993). Всичко това означава, че през първите десетилетия след Освобождението културният живот на страната се съсредоточава не в столицата, а в най-различни провинциални градове, като Шумен и Пловдив са основните популяризатори на Достоевски у нас.

Твърде добре е представен Достоевски на българския читател и в критичната литература от края на XIX в., макар и тя да е значително по-ограничена в сравнение с преводите му. Още първия за писателя очерк на С. Бобчев съдържа богати сведения за живота му и сериозен анализ на творчеството му, основан по всяка вероятност на руски източник. Още повече разширяват и задълбочават този анализ статиите за Достоевски от чужди автори, появили се у нас в български превод – от Луначарски, Григорович, голяма литературна студия от Г. Брандес, излязла в самостоятелно издание през 1898 г.

През първите две десетилетия на XX в. активният интерес към творчеството на Достоевски значително се стеснява, тъй като трите последователни войни – Балканската, Междусъюзническата и Първата световна довеждат до общо ограничаване на изданията както на оригинална, така и на преводна литература. Поради това и самите преводи са главно преди започването и след края на войните. Те продължават да се поместват главно в периодичния ни печат. Дори романът му „Идиот“ излиза не като самостоятелно издание, а в „Български търговски вестник“ (1904, бр.108 и сл.)

Променя се до известна степен и подборът на произведенията. Най-често това са творби с характерната за писателя тема за детското страдание. Малкият разказ „Мальчик у Христа на елке“, едно от най-превежданите у нас негови произведения, се печата под най-различни заглавия както тогава, така и по-късно („Момчето при елхата на Христа“, „Коледна елха“, „На Бъдни вечер“ и др.) Пак с темата за тъжната детска участ са свързани разказите „Елха и сватба“, „Болният другар“ (откъс от романа „Братя Карамазови“). С

темата за човешкото страдание Достоевски навлиза у нас още от края на XIX век.

Особено активира интереса към произведенията му широко честваната в Европа през 1921 г. 100-годишнина от рождението на писателя и едновременно с това и 40-годишнината от смъртта му. И все пак редица публикации на негови творби се появяват още през 1919 г., веднага щом като започва да нараства у нас общата печатна продукция след значителното ѝ намаляване по време на войните. Появяват се преводи както на познати вече творби на писателя, така и на редица нови, превеждани за пръв път у нас.

Още през 1919 г. излиза у нас чудесната повест на писателя „Бели нощи“ в два почти едновременни превода на Е. Попова и Р. Стоянов. През същата година се появява пак в два превода на С. Бежановски и О. Величкова повестта „Бедни хора“. Година по-късно излиза у нас незавършеният роман на Достоевски „Неточка Незванова“ (1920), в превод на С. Бежановски, а само година по-късно и този на Дора Габе под заглавието „Неточка и Катя“ (1921). Със същия твърде кратък интервал от време са и двата превода на романа „Идиот“, единият на Т. Ненова (1920), а другият от Гео Милев и Д. Бабев (1921). Само в рамките на 20-те години се появяват три последователни издания на романа „Картоиграч“ (1923, 1926, 1928) в превод на Д. Подвързачов, като последното от тях съвпада по време с един нов превод на творбата, направен от Л. Стоянов. В два различни превода на В. Юруков (1923) и Г. Рачев (1928) е издаден и романът „Бесове“ и пак в два – на Н. Бъркова (1921) и на Л. Стоянов (1928) голямата му повест „Село Степанчиково и неговите обитатели“. Почти единични са случаите, когато дадена творба на Достоевски излиза само в един превод, както това става с повестите „От подземиеето“ („Записки из подземелья“, 1927) в превод на В. Юруков и „Кротката“ (1927), преведена от Б. Светлинов.

Най-голяма роля за популяризирането на Достоевски у нас през 20-те години изиграва издателство „Игнатов“, което през 1928 г. отпечатва цяла поредица от 10 тома, обхващащи почти всички основни произведения на писателя. И макар че те не са номерирани с оглед на хронологичната им поява и с обединяващото ги заглавие „Събрани съчинения“, на практика това е първото у нас многотомно

издание на писателя. Заслугата на Игнатов е именно в това, че той пръв създава у българския читател цялостна представа за творчеството му. Необхванати от него остават само някои по-малки творби, като „Кротката“ и „От подземника“, излезли предишната година.

Игнатов създава и нов екип от преводачи, които участват в многотомника с различен брой преводи. Между тях най-активно е участието на Л. Стоянов, чиито преводи обхващат три тома от изданието – „Повести и разкази“, „Село Степанчиково и неговите обитатели“, „Записки от мъртвия дом“ и „Картоиграч“. Значително по-ограничен е делът на останалите преводачи. Калина Малина превежда повестите „Бедни хора“, „Бели нощи“ и „Неточка Незванова“, Ив. и Св. Камбурови романа „Идиот“, Д. Подвързачов и Д. Ангелов участват с превода на „Братя Карамазови“, Н. Фол с „Престъпление и наказание“, Р. Стоянов с „Юноша“, Г. Рачев с „Бесове“, Г. Костов с „Унижените и оскърбените“, Цв. Минков с откъси от „Дневникът на писателя“, а Г. Константинов с разказа „Вечният мъж“.

Насищането на пазара през 20-те години с преводи от Достоевски, а и значителното все по-активно насочване на българската културна общественост към западните литератури навярно са основните фактори, определящи значително по-ограничената преводна рецепция на писателя през 30-те и началото на 40-те години. По това време от романите му се появява само едно ново издание на „Престъпление и наказание“ (1937) под името на В. Каратеодоров, и един нов превод на същия роман от Д. Полянов (1943).

Единични преводи на романа „Престъпление и наказание“, направени от Н. Фол и Д. Полянов през 30-те и началото на 40-те години, не внасят нещо ново в преводаческата ни практика и не получават нито едно допълнително издание.

Започналото след Девети септември 1944 г. пренасочване на българската културна общественост към произведенията преди всичко на съветската литература значително променя отношението особено към онези руски писатели от XIX в., чието творчество не се е оказало съзвучно с новия политически патос на епохата. И между тях

едва ли не на първо място се оказва Достоевски, поради отричаните от него прояви на революционно насилие и защитаваните християнски добродетели на кротост и смирение. В периодичния ни печат се поместват само единични публикации на откъси от негови творби и то главно свързани с дълбокото му съчувствие към жертвите от Априлското въстание и активното му отношение към освобождението на България. От литературните творби на писателя излизат в самостоятелни издания само такива „неутрални“, а и не особено значими произведения, като повестите му „Вечният мъж“ (1945) в превод на Г. Константинов и „Село Степанчиково и неговите обитатели“ (1956) в превод на Ф. Гинев.

Положението започва съществено да се променя едва в края на 50-те години, когато делото на писателя се подлага на преоценка и в руската литература с уводната статия в „Правда“ през 1956 г. и излязлото през 1956–1958 г. десеттомно издание на съчиненията му. Въз основа именно на тях се появява и у нас десеттомникът „Ф. М. Достоевски. Събрани съчинения“ (1959–1960), подготвен от държавното издателство „Народна култура“. За разлика от изданието на Игнатов, тук творбите са подредени в хронологичен ред с обширен предговор от съветския литературовед В. Ермилов и обяснителни бележки към всеки отделен том. Десеттомникът обхваща основното творчество на Достоевски без „Дневника на писателя“, като от него са поместени само художествените творби.

От предишното издание на Игнатов е включен романът „Братя Карамазови“ в превод на Д. Подвързачов и Д. Ангелов. Д. Подвързачов участва и с два от по-ранните си преводи на Достоевски – „Неприятна случка“ (Скверный анекдот) и „Зимни бележки за летни впечатления“. Другият преводач, преминал в новия десеттомник от изданието на Игнатов, е Г. Константинов с превода си на „Вечният мъж“ и три нови големи превода на „Унижените и оскърбените“, „Записки от мъртвия дом“ и романа „Престъпление и наказание“. Привлечен е в изданието и предишният преводач на този роман В. Каратеодоров (Н. Фол), но с някои по-малки повести от ранното творчество на Достоевски – „Господин Прохарчин“, „Хазяйката“, „Ползунков“, както и Ф. Гинев с превода на голямата повест „Село Степанчиково и неговите обитатели“. Между новите

преводачи особено активно е участието на Д. Тодоров с превода на пет от големите новели на писателя и художествените материали от „Дневника“ му, обхващащи целия десети том на изданието. Също така твърде голям е относителният дял в многотомника и на З. Статков с преводите му на три повести и на романа „Юноша“. Значително по-ограничено е участието на останалите преводачи – Ф. Неманов с четири повести, Л. Минкова с две, с по един роман Г. Жечев („Бесове“) и Н. Толчев („Идиот“), Д. Минчева само с един разказ.

Десеттомното издание на Достоевски от края на 50-те години отново насочва вниманието на българската културна общественост към творчеството на писателя след продължилото повече от две десетилетия съвсем ограничено представяне на произведенията му у нас.

През 60-те и особено през 70-те години се появяват и редица нови издания с преводи на големите романи на писателя. Така „Престъпление и наказание“ на Г. Константинов се препечатва още три пъти през 1968, 1974, 1981.; „Братя Карамазови“ в превод на Д. Подвързачов и Д. Ангелов е издаден отново през 1974 г. В нов превод на И. Пауновски излиза романът „Идиот“ (1971), а Л. Минкова представя отново в свой превод повестите „Неточка Незванова“ (1973) и „Бедни хора“ (1974). Д. Тодоров издава през 1975 г. превода на „Записки от подземие“, а на следващата година и нов превод на „Бедни хора“. През 1978 г. за пръв път у нас се появява и сборник с „Размисли“ на Достоевски в превод на В. Манчева.

Най-голямото постижение обаче в преводната рецепция на Достоевски у нас в сравнение с всичко превеждано дотогава е последното издание в дванадесет тома на съчиненията му (1981-1994) с обширен предговор от известния руски литературовед Б. Бурсов, както и с няколко очерка от български автори към отделните томове – от И. Цветков, Г. Цанков, Е. Мутафов, И. Пауновски и др. Всеки том е снабден и с обяснителни бележки относно творческата история и характера на включените в него творби, както и оценките им в руската критика.

По отношение на самите преводи новият многотомник включва най-доброто от предишните издания – преди всичко преводите на Г. Константинов и Д. Подвързачов, както и отделни преводи на Д. Тодоров (4), З. Статков (2), В. Каратеодоров (1), Ф. Неманов (1). Съществено се увеличава участието на Ф. Гинев с три нови повести и особено на Л. Минкова – с цели осем. С превода си на „Идиот“ се включва в многотомника и И. Пауновски. Новопривлечените преводачи са сравнително малко на брой, но тяхното присъствие се чувства осезателно, особено това на Венцел Райчев с превода му на романа „Бесове“ и на двата тома от „Дневника на писателя“ – втория осъществен заедно със сина му Владимир Райчев, превел и самостоятелно последния том от изданието със статиите и писмата на Достоевски. Нов е и преводът на романа „Юноша“ от Катя Койчева.

Особено се обогатява и критичната ни литература за Достоевски. Наред с популярните статии, помествани в периодичния печат, се появяват и редица научни студии, изнасяни на научни сесии или помествани в университетски и академични издания и сериозни литературни списания, като „Литературна мисъл“, „Език и литература“ и др. Излизат и цели монографични изследвания за писателя както в превод от руски, така и от български автори. Между тях особено широк интерес предизвиква крупният научен труд на М. Бахтин „Проблеми на поетиката на Достоевски“ в превод на К. Попов (1976), превърнал се с оригиналната си теза за полифонизма на творбите му в своеобразна настолна книга за художественото майсторство на писателя. Спечелва вниманието на българския читател с ценните си данни върху личността на Достоевски и книгата със спомени на жена му Ана Григориевна, излязла през 1982 г. От българските автори се налагат със сериозните си авторски решения книгите на Ц. Стоянов „Геният и неговият наставник“ (1978), в която се проследяват отношенията между Достоевски и оберпрокурора към тогавашния руски синод Победоносцев, оказал съществено влияние върху духовното развитие на писателя; монографията на А. Анчев „Достоевски и проблемите на българската литература“ (1981), с редица интересни паралели между Достоевски и такива български писатели, като Д. Димов, Д. Талев, Г. Райчев, Е. Станев. През 1993 г. излиза и книгата на Ч. Добрев „Предопределението“, в която редица

тезиси от философските позиции на Достоевски се изясняват с оглед на характерни за съвременната ни действителност проблеми.

По такъв начин преводната рецепция на произведенията на Достоевски в България, независимо от неравномерното темпо на проникването му със засилен или по-ограничен интерес, представлява процес на все по-широко навлизане на произведенията му у нас и все по-добро качество на преводите им, на все по-задълбочено проучване на философските възгледи на писателя и на неговото художествено майсторство.

Библиографически списък

1. Бобчев С. Ф. М. Достоевски // Наука, 1882, № 1.
2. Боров Т. Достоевски в България // Развигор, 1921. бр. 45.
3. Бошнаков Д. Достоевски в България // Библиотекар, 1961, № 2
4. Васева И. Истинският Достоевски (рецензия за „Бесове“) // Език и литература, 1986, № 3; Стилистика на превода. С. 1989.
5. Ескенази Ж. Ф. М. Достоевски в българските библиотеки // Библиотекар, 1976, № 4.
6. Мавродиев М. Достоевски и българският театър // Театър, 1971, № 10.
7. Метева Е. В непосредствен разговор с Достоевски (рецензия върху „Дневникът на писателя“) . Език и литература, 1989, № 3.
8. Пауновски Е. Положително прекрасният човек на Достоевски // Литературна мисъл 1971, № 6.
9. Симинова Г. Из наблюдения над езиком и стилем романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» // Изучение языка писателя. Л., 1957.

Нейчев Николай Михайлов
доктор филологии, доцент
Пловдивский университет
им. Паисия Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: neychev@uni-plovdiv.bg

Neychev Nikolay Mihaylov
PhD, Associate professor
Plovdiv University
„Paisii Hilendarski“
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: neychev@uni-plovdiv.bg

Н.М. Нейчев

Хронос и кайрос в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского

Аннотация. Работа предлагает новое прочтение темпоральной проблематики романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Впервые делается попытка выявить «скрытый календарь» произведения с целью уточнить время протекания действия в романе. Выдвигается гипотеза, что точная датировка связана с конкретными агиографическими текстами Четых-Миней, приуроченными к чтению в те же дни. Автор приходит к выводу, что житийные тексты влияют на развитие событий и одновременно с тем объясняют внутренний духовный (религиозный) смысл «светского» на первый взгляд сюжета.

Ключевые слова: «Братья Карамазовы», Четых-Миней, хронос, кайрос, темпоральная герменевтика

N.M. Neychev

Chronos and Kairos in "Karamazov Brothers"
by F.M. Dostoevski

Abstract. The paper offers a new reading of the temporal problems of F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". For the first time, an attempt is made to reveal the "hidden calendar" of the work to clarify the time of the action in the novel. It is hypothesized that the exact dating is associated with specific hagiographic texts of the Chety-Minei read on the same days. The author concludes that the hagiographic texts influence the development of events and at the same time explain the inner spiritual (religious) meaning of the seemingly "secular" plot.

Keywords: "The Brothers Karamazov", Chety-Minei, chronos, kairos, temporal hermeneutics.

«Братья Карамазовы», последний роман *Пятикнижия* Достоевского, составляет неотъемлемую часть грандиозного замысла, названного *Житие великого грешника* [4, т. 29, кн. I, с. 111–112]. В науке был предпринят ряд попыток ответить на вопрос о воздействии житийной традиции на развитие романного сюжета [1], [2], [6]. Цель настоящей статьи – осмыслить механизм, при помощи

которого светский *хронос*¹ романа претворяется в религиозный *кайрос*², то есть проследить, каким образом сакрализуется темпоральность, вырванная из профанного.

Наш подход к проблеме отличается от предыдущих, основываясь на следующей предпосылке. Согласно христианской эсхатологии, время после прихода Иисуса Христа в мир не является уже языческим хроносом, а претворяется в телеологическую сотериологию – становится религиозным сюжетом. Боговоплощение, «огромный факт появления на земле Иисуса и *всего, что за ним прошло*» [4, т. 27, с. 85]³ – как раз в этом Достоевский видит суть христианства.

Следует особо подчеркнуть, что *ежедневный* христианский календарь иконизирует *каждый день* годового цикла, посвящая его памяти определенного святого/святых и/или какому-либо событию из священной истории. В нашем случае это приобретает особую значимость, так как основную роль во всеобщей кайротизации времени бесспорно играют тексты Четьих-Миней⁴, и это глубоко осознавалось Достоевским: «...по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четьи-Миней. <...> *Я сам в детстве слышал эти рассказы прежде еще, чем научился читать*» [4, т. 25, с. 214–215]; «Эти истории <...> *оставшиеся у меня на сердце*» [4, т. 25, с. 69–70]. Показателен факт, что в «Братьях Карамазовых» указанный житийный сборник упоминается целых шесть раз.

Наш тезис сводится к следующему: мы утверждаем, что агиографическая литература оказывает духовное влияние на *целостное* развитие «светского» на первый взгляд сюжета «Братьев Карамазовых», причем темпоральный ориентир (явный или

¹ Под понятием *хронос* (χρόνος) будем понимать физическое время в наиболее общем смысле.

² Понятием *кайрос* (καιρός) обозначаем сакраментальную идею о «мгновении», с которого началось новозаветное время (после Боговоплощения).

³ Все курсивы в тексте мои. – Н. Н.

⁴ Четьи-Миней (слав. «читать» и греч. μηνῶνα – «месяц») – сборник житий и поучений на каждый день года, предназначенный для домашнего или келейного чтения. Особую популярность в России приобрели Четьи-Миней (Книга житий святых) св. Димитрия Ростовского (1651–1709). Это издание было и у Достоевского [3, с. 154].

«скрытый» в подтексте) сигнализирует, какой именно житийный текст оказывает это воздействие. Вот почему для нас особо важно реконструировать, по возможности наиболее точно, даты «скрытого календаря» романа и соотнести их с житийными текстами Четьих-Миней, приуроченных к чтению в эти дни.

Итак, в эпизоде, с которого фактически начинается действие романа – встреча «семьи» Карамазовых со старцем Зосимой – присутствует важный темпоральный ориентир: «*Был конец августа*» [4, т. 14, с. 32]. В принципе, когда Достоевский использует слова «в начале» или «в конце», это всегда означает первую или последнюю неделю месяца. Таков случай, например, с романом «Преступление и наказание», который начинается «*в начале июля*», и в результате темпорального анализа действительно удастся определить точную дату – *7 июля* [7, с. 45]. Это вполне логично: если бы события происходили на второй или соответственно на предпоследней неделе данного месяца, то выражение было бы не «в начале» или «в конце», а скорее – «в середине» или «во второй/первой половине» месяца.

Повествование о *втором дне* календарного времени романа конкретизирует в еще большей степени темпоральную картину. Со слов Катерины Ивановны мы понимаем, что издевательство Мити Карамазова над штабс-капитаном Снегиревым, свидетелем которого стал сын последнего, Илюша, случилось «неделю назад» [4, т. 14, с. 176]. Из разговора Алеши со Снегиревым мы узнаем, что у капитана есть дочь, курсистка, и что она приехала на лето и собирается «*в сентябре, то есть теперь-то, в Петербург <...> воротиться*» [4, т. 14, с. 192]. Это означает, что если второй день календарного времени романа, когда и произошел этот разговор, уже в начале сентября, а предыдущий день был конец августа, то логично предположить, что ссора в келье старца Зосимы произошла *31 августа*, а следующий день уже *1 сентября*.

В Четьих-Минях на 31 августа помещено два жития, имеющих отношение к событиям первого дня романа. Первое из них – *Житие и страдание св. Киприана*, которое обнаруживает несколько соответствий с текстом Достоевского. Например, в житии сказано: «будучи язычником, Киприан проводил жизнь греховную <...> покорствуя страстям (своим), невольно благоприятствовал своему

собственному несчастью, как будто оно от природы было его уделом» [5, т. 12, с. 584]¹. Это, с одной стороны, аллюзия с распутной жизнью Мити, о которой он рассказал в трех исповедях перед Алешей, а с другой, совпадает с греховной жизнью Зиновия, будущего отца Зосимы. И подобно св. Киприану, который вел свое блудное существование «до тех пор, пока благодати Божией не благоугодно было осенить его душу и призвать его ко спасению», оба героя Достоевского коренным образом изменили свою жизнь. Кроме того, в рассматриваемом житии обнаруживаются другие ключевые для этой части романа темы. Например, состояние христианства во времена св. Киприана: «в то время было немало христиан, которые только именовали себя христианами, а в действительности проводили жизнь, недостойную истинного христианина. <...> Допускались часто безрассудные клятвы, <...> злословие и взаимная вражда» [с. 589], и это буквально совпадает с атмосферой злословия и взаимной вражды, описанной в части «Неуместное собрание». В житии выдвигается также вопрос о несправедном светском суде: «Еще будучи язычником, он с прискорбием смотрел на несправедливости и притеснения со стороны судей, на обманы и ссоры между частными лицами» [с. 584] – и это одна из основных тем разговора в келье Зосимы. Более того. В тексте романа удастся обнаружить и скрытую цитату из поучений св. Киприана. Слова отца Паисия: «Царство небесное, разумеется, не от мира сего, а в небе, *но в него входят не иначе как чрез Церковь*» [4, т. 14, с. 57], почти буквально повторяют сказанное св. Киприаном: «*Вне этой единой истинной и спасительной Церкви нет и не может быть спасения*» [с. 608].

Впрочем, можно допустить, что в глубинном сюжете «Братьев Карамазовых» св. Киприан является своего рода скрытым православным контрапунктом патрона Франции, католического св. Дениса (Saint Denis de Paris, Дионисия Парижского), о котором разговаривали Федор Карамазов и Миусов [4, т. 14, с. 42]. Обратим внимание на широко известный флагрантный эпизод с отрубленной головой св. Дениса, которую он впоследствии взял в руки и «любезно ее лобызаше»; такого эпизода нет в житии св. Киприана, которому

---

¹ Далее цитаты из Четых-Миней за август будут отмечаться только номером страницы.

тоже отрубили голову. Ассоциация, хотя и в противоположном смысле, между двумя житиями подтверждается также фактом, что подобно тому, как св. Денис, быв епископом Афин, позже переехал во Францию и стал епископом Парижа, «впоследствии, при короле Карле Великом, мощи священномученика Киприана были перенесены во Францию, в город Арль, а при короле Карле Лысом – в город Компьень, в монастырь святого Корнелия» [с. 607].

В Четых-Минях на 31 августа помещен также текст *Положение честного пояса Пресвятой Богородицы*, который содержит намек о «кайротизации» светского на первый взгляд времени романа. Не случайно в тропаре (глас 8) на этот праздник поется: «Богородице Приснодево <...> о Тебе бо и естество обновляется и время» [с. 615].

Второй день развития сюжета романа – *1 сентября*. В Четых Минях на этот день помещен фундаментальный с темпоральной точки зрения текст *Слово в первый день индикта, или нового года*, который начинается со слов: «Царь веков, Господь Бог наш, *положил времена или лета в Своей власти*, Сам установил в эти времена различные праздники для Своего прославления и для отдохновения людей от мирских дел их» [5, т. 1, с. 3]¹. Эти слова находятся в прямой связи с центральной для нашего исследования идеей о сакрализации профанного человеческого хроноса через божественный временной кайрос. В этом смысле смерть Зосимы, болезнь Илюшенки и крах веры Великого инквизитора знаменуют конец кризисной темпоральности и начало новой духовной эпохи. Важно отметить, что основной темой *Слова в первый день индикта* является восходящая к ветхозаветному времени традиция *оставления должникам их долгов и пожелания покоя людям на земле* в конце индикта – временного периода, который начинает отсчитываться с сентября. Это было время, когда «каждый человек особенно следил за собой, как бы не прогневать Господа каким-либо грехом, как бы не опечалить своего ближнего» [с. 8]. Мы считаем, что данная тема сложно и амбивалентно претворена Достоевским. С одной стороны, она играет роль апофатического контрапункта в отношении Мити

---

¹ Далее цитаты из Четых-Миней за сентябрь будут отмечаться только номером страницы.

Карамазова, опровергая «от обратного» смысл совершенного им издевательства над «низшими духом» (в лице Снегирева). С другой стороны, однако, она является мотивирующей основой попытки Алеши, «у которого душа дрожала от слез» [4, т. 14, с. 190], именно в этот день, 1 сентября, попросить прощения, раскаяться и помириться с «ближним», которого оскорбил его брат, что полностью соответствует словам Писания: «единомыслие между братьями и любовь между ближними», впрочем, это выражение цитируется и в указанном *Слове* [с. 15].

В Четьих-Минях на 1 сентября помещено также *Житие препод. Симеона Столпника* – агиографический текст, обнаруживающий ряд соответствий с этой частью романа и прежде всего с образами старца Зосимы и его антипода, отца Ферапонта. Это означает, что житие выполняет в романе амбивалентные функции: апофатическую в отношении отца Ферапонта и катафатическую в образе отца Зосимы.

Подобно «великому постнику и молчальнику» монаху Ферапонту [4, т. 14, с. 151], св. Симеон начал свое подвижничество сверхмерным истязанием своего тела сорокадневным постом, что вызвало укоризненные слова со стороны его епископа: «Не подобает человеку убивать себя безмерным постом: ибо это скорее грех, чем добродетель» [с. 22]. К сюжету об отце Ферапонте Достоевский приплетает еще один мотив, центральный и для указанного жития. Когда св. Симеон «предался еще большим подвигам», дьявол решил искушить его, явившись в огненной колеснице и сказав: «Слушай, Симеон! Бог неба и земли послал меня к тебе, как видишь, с колесницей и конями, чтобы взял я тебя, *подобно Илие, на небо...*» [с. 25]. Преподобный прельстился, и это чуть было не стоило ему жизни. Таким же мотивом, разумеется, в ироническо-апофатическом смысле, пользуется и писатель, описывая искушение отца Ферапонта, который рассказал посетившему его монаху, что с минуты на минуту ожидает, что его «Христос захватит и вознесет <...> *в духе и славе Илии* <...> обымет и унесет...» [4, т. 14, с. 154].

Значительно более осязаема катафатическая тенденция, связывающая житие св. Симеона с образом старца Зосимы. Кроме идентичной портретной характеристики обеих персонажей, в

поучениях св. Симеона и старца Зосимы обнаруживаются также общие содержательные ядра. Например, решение преподобного «быть всем слугой» [с. 19] является центральной темой и в проповеди Зосимы: «быть слугою слуге моему <...> стать сам всем слугой» и т. п. [4, т. 14, с. 288]. Или же тема любви ко всем земным тварям: зверям, птицам, горам, полям и деревьям – общий мотив для житийного героя [с. 27] и для персонажа Достоевского – ср.: «Любите животных, любите растения, любите всякую вещь» [4, т. 14, с. 289]. Общей для жития и романа является и тема о многострадальном Иове. Из-за своих великих страданий св. Симеон сравнивается с «вторым Иовом» [с. 26], и это обнаруживает прямые соответствия с рассуждениями старца Зосимы о пострадавшем, но снова восстановленном Иове [4, т. 14, с. 264–265]. Кроме того, даром пророчества осенены и св. Симеон [вж. с. 31], и старец Зосима [4, т. 14, с. 47, 150–151, 258]. Молитвенная поза св. Симеона (ср. «он распростерся на земле крестообразно» [с. 18]) повторяется буквально старцем Зосимой: «склонился лицом ниц к земле, распростер свои руки...» [4, т. 14, с. 294]. Глубокая духовная связь старца Зосимы с его учеником Алешей идентична отношениям св. Симеона и его любимого ученика Антония. Оба послушника потрясены и тоскуют, потеряв своего духовного наставника. Оба пишут жития своих учителей. Отметим особенно существенную деталь: слово «смердеть», высоко частотное в житии св. Симеона – «смерд от него исходит», «почему от тебя исходит такой смерд»; «как пса смердящего» [с. 20] – становится центральным моментом романа (хотя и в отношении следующего дня развития сюжета) – «тлетворный дух», охвативший тело старца Зосимы, мощи которого «пропахли» [4, т. 14, с. 315] и «провоняли» [4, т. 14, с. 303, 308]. Как в житии, так и в романе зловоние, исходящее из тела св. Симеона и старца Зосимы, служит *верховным испытанием веры всех*, кто был рядом. Ср. сказанное в житии: «Никто не может стоять рядом с ним» [с. 20], и в романе: «Или и ты *соблазнился?*» – спрашивает отец Паисий поколебавшегося в своей вере Алешу, – «да неужто же и ты с *маловерными!*» [4, т. 14, с. 305].

В Четых-Минях на 1 сентября помещено также *Воспоминание собора Пресвятой Богородицы*, продолжающее тенденцию

кайротизации времени через образ Богородицы, что также обнаруживает соответствие с текстом романа: «Бросился я тут на колени пред иконой – сказал старец Зосима – и заплакал о нем Пресвятой Богородице, скорой заступнице и помощнице» [с. 281].

Выявленные интертекстуальные репризы свидетельствуют о двух вещах: во-первых, что *второй день* календарного времени романа действительно протекает *1 сентября*, и во-вторых, что агиографические тексты Четых-Миней, приуроченные к этому дню, оказывают ощутимое влияние на содержательный дискурс произведения Достоевского, наполняя конкретное бытовое время кайротической темпоральной житийностью.

Третий день развития сюжета «Братьев Карамазовых» (2 сентября) не обнаруживает видимых интертекстуальных отношений с житиями в Четых-Минях на этот день. Причины этой агиографической «лакуны» пока что предстоит выяснять. И все же следует иметь в виду указанные выше примеры «переливания» ко 2 сентября мотивов *Жития препод. Симеона Столпника*, память которого отмечается в предыдущий день.

События следующего, *четвертого дня* повествования, 3 сентября, однако, имеют прямое или косвенное отношение по меньшей мере к двум агиографическим текстам Четых-Миней. В первом из них – *Житие и страдание свят. Анфима* – как и в этой части романа, основной темой является *судебное следствие*. Разумеется, ситуация в двух текстах разная: св. Анфим судим «судилищем нечестивых язычников» [с. 68] за свою веру, а Дмитрий Карамазов обвиняется в отцеубийстве светскими органами, которые «огадили» его душу» [4, т. 14, с. 437]. Различие, однако, только внешнее, формальное, так как оба персонажа предстали перед несправедливыми и предубежденными судьями, против которых намерены вести борьбу – ср. слова св. Анфима: «ныне тот, кто действительно воин Иисуса Христа, да выступит мужественно для *борьбы*» [с. 62], и слова Мити: «Буду *бороться* с вами до последнего конца, а там решит Бог» [с. 458]. И св. Анфим, и Митя – приверженцы правды против лжи, ср. слова агиографического персонажа «убеждал их говорить правду, так как не желал, чтобы ради его говорили ложь» [с. 68] и заявление Мити: «Неужели вы

думаете, что я стал бы скрывать от вас <...> вилять, лгать и прятаться?» [4, т. 14, с. 437]. Подобно св. Анфиму, который повернул свою душу к небу, «откуда ждал помощи» [с. 68], Митя тоже уповаает на небо: «Запишите и про небо; это будет не лишним записать. Да и вам самим Бог понадобится» [4, т. 14, с. 427]. Не в последнюю очередь в житии св. Анфима мы обнаруживаем другую знаменательную подробность, связывающую судьбу Мити с житийным паратекстом – это имя богини Цереры, идолу которой император и весь языческий народ приносили «обильную жертву» [с. 65]. Как известно, «богиня Церера» упоминается в первой исповеди Мити перед Алешей («Исповедь горячего сердца. В стихах») и является символом его первоначального эстетического (то есть языческого) сознания, которое после трех мытарств его души было преодолено и от *эстетического* претворилось в *религиозное*. Эта мгновенная трансформация у героя совершается после пророческого сна Мити о плачущем «дитё» [4, т. 14, с. 456]. Этот сон потряс его душу и напомнил ему о его величайшем грехе – вызванным им лично слезам девятилетнего Илюшенки. Осознание своей греховности породило слова глубокого раскаяния: «Господа, все мы жестоки, все мы изверги, все плакать заставляем людей <...>, но из всех я самый подлый гад! <...> пострадать хочу и страданием очишусь!» [4, т. 14, с. 537]. Впечатляет то, что в Четых-Минях (также на 3 сентября) присутствует текст, недвусмысленно демонстрирующий «модель» совершения трансформации в душе героя Достоевского. Это – *Страдание святой мученицы Василисы*. Случай такой. Девятилетняя Василиса без страха исповедовала свою веру в христианского Бога перед язычником Александром, за что он подверг ее жестоким мучениям. Страдания, однако, не изменили твердую веру ребенка. И совершилось чудо: «Ужас объял тогда самого правителя Александра <...> он воззвал: „Помилуй меня <...> и прости за все мучения <...>“». Св. мученица громогласно прославила милосердного Господа, «открывшего ему познание истины». Правитель Александр «принес покаяние в своем прежнем нечестии и причиненных им христианам мучениях...» [с. 74].

Несомненно, этот сюжет, хотя и в видоизмененном виде, инкорпорирован Достоевским в идеологический дискурс романа. И

девятiletняя Василиса, и девятiletний Илюша обращают языческих «великих грешников» в веру через искреннее покаяние. Таким образом, текст Достоевского является своеобразной художественной иллюстрацией сказанного в житии св. Василисы: «Слава всесильному Богу, проявляющему свою великую силу не только в людях взрослых, но и в малых детях!» [с. 73]. Следует отметить и другую очень существенную аналогию. После этого случая св. Василиса увидела на дороге *камень* «и найдя *камень*, святая стала на него и обратилась с молитвою к Господу», потом «предала дух свой Богу» и была похоронена «*близ того камня*» [с. 75]. Русский писатель заимствует буквально этот момент, интерпретируя символический образ *камня* в конце дороги как любимое место Илюшенки [4, т. 14, с. 188]; *у этого же камня отец хочет его похоронить* [4, т. 15, с. 191]. Таким образом, скрытый агиографический сюжет «просвечивает» сквозь видимый «светский» нарратив романа и озаряет повествование житийной духовностью, перенося его в другое, кайротизированное время.

Рассказ в романе «Братья Карамазовы» продолжается после *двухмесячного* перерыва: «*Ноябрь в начале*» [4, 15, с. 462]. Как мы уже выяснили, если Достоевский пользуется таким выражением, это означает *первую* неделю месяца. Произошедшее в этот *пятый* день развития сюжета романа обнаруживает прямые аналогии прежде всего с агиографическими текстами Четьих-Миней, приуроченных на *6 ноября*. В первом из них, *Житии свят. Павла исповедника* [5, т. 4, с. 113–122]¹, центральным мотивом является продолжившаяся годами упорная борьба православия против «первой» и самой опасной ереси – *арианства* – источника «всех возникших из него ересей» [с. 122]. Этот же мотив является центральным и в *наиболее важном идеологическом дискурсе романа* «Братья Карамазовы» – разговоре Алеши Карамазова с мальчиком «прелестной природы», Колей Красоткиным. Ситуация следующая. Коля заявил Алеше: «я неисправимый социалист» [4, т. 14: 500] и продолжил: «И, если хотите, я не против Христа. *Это была вполне гуманная личность, и живи он в наше время, он бы прямо примкнул к революционерам...*».

¹ Цитаты из этого тома Четьих-Миней (за ноябрь) будут далее отмечаться только номером страницы.

Потрясенный этими словами Алеша воскликнул: «Ну где, ну где вы этого нахватались! С каким это дураком вы связались?». Коля указал на атеиста Ракитина, упомянул «старца Белинского» и сказал, что «слышал от одного... впрочем, *черт...*» [там же]. На первый взгляд эта тема в разговоре незначительная и случайная, но она является основной для глубинного духовного сюжета всего романа и находит объяснение в *Житии св. исповедника Павла*. Дело в том, что согласно учению первоересиарха Ария «Сын Божий не Бог и не единосущен со Своим Отцом», он тварное создание. Эта ересь разрушила основы всего христианства, так как отрицала Боговоплощение, а тем самым утверждала невозможность искупления и спасения человека, так как это мог сделать только Бог. Но хотя и осужденные Первым и Вторым вселенскими соборами, идеи Ария были восприняты рядом протестантских сект во время Реформации, откуда перешли и в социальные доктрины, воспринимающие Христа как «вполне гуманную личность» (по словам Коли). Вот почему *Житие св. исповедника Павла*, предназначенное для чтения в день, когда состоялся разговор Алеши и Коли, опровергает (от противоположного) «социалистические» идеи мальчика, подготавливает его для истинной веры в Христа и приводят в конце романа к восклицанию «мы все встанем из мертвых, и оживем» [4, т. 15, с. 197].

Весь следующий день (7 ноября), а это практически *шестой день* развития сюжета романа, занят рассказом о судебном следствии против Мити. Оно начинается в «десять часов утра» [4, т. 15, с. 89] и заканчивается ровно в *два часа пополудни* [ср. 4, т. 15, с. 176, 177], то есть в начале 8 ноября. События в романе обнаруживают соответствия прежде всего с агиографическим текстом Четых-Миней на 7 ноября *Страдание свят. мученика Иерона*. Интертекстуальные аналогии здесь общего характера. Например, центральным сюжетом как жития, так и этой части романа является *несправедливый суд* над Иероном и над Митей; общими для обоих героев являются также мотив о *воинской службе*; подчеркнутая *физическая сила* персонажей, их искреннее раскаяние – ср. слова св. Иерона: «Достаточно времени *своей жизни потратил я на служение суете*, теперь иду к Богу» [с. 138], со словами Мити: «Признаю себя

виновным в пьянстве и разврате <...> в лени и в дебоширстве» [4, т. 15, с. 94] и т. д. Самая существенная ассоциация, однако, обнаруживается в другом – в глобальной структуре замысла. Магистральный сюжет «Братьев Карамазовых» – *отцеубийство* – заканчивается судом. Суд, однако, ни в коем случае не исчерпывается только своим бытовым провинциальным значением, а как неоднократно подчеркивается в романе, стал центральным делом, за которым следила «вся Россия» [св. 4, т. 15, с. 91, с. 123, с. 125, с. 128, с. 150, с. 170, с. 173 и др.]. Но и это не предел обобщения. Подобно тому как библейский текст заканчивается Апокалипсисом св. ап. Иоанна и идеей о Страшном суде [см. Откр. 19–20], суд в «Братьях Карамазовых» несомненно приходит к метафизической ассоциации со Страшным судом. Заключительные слова Мити Карамазова недвусмысленны: «Суд мой пришел, слышу десницу Божию на себе. <...> как Богу исповедуюсь...» [4, т. 15, с. 175]; «Клянусь Богом и Страшным судом Его...» [4, т. 15, с. 178]. В этом смысле вряд ли случаен тот факт, что приговор этого суда был произнесен 8 ноября, то есть «смещен» на следующий день. В единственном агиографическом тексте Четых-Миней за этот день – *Собор святого Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных* – центральной является как раз тема Страшного суда. Там сказано следующее: «все эти девять чинов ангельских соберутся в день страшного Суда Господня, каковой день божественными учителями церкви называется *днем восьмым*» [с. 154]. Таким образом, агиографический подтекст эпифанизирует духовный смысл произошедшего с Митей, «вырывая» профанный сюжет из временного и полагая его в план вечности.

В *Эпилоге* действие возобновляется «на пятый день после суда над Митей» [4, т. 15, с. 179], то есть 12 ноября, в седьмой, последний день фабулы романа. Подтверждением, что события происходят именно тогда, служит агиографический текст, помещенный в Четых-Минях – *Житие Иоанна Милостивого*, память которого отмечается как раз в этот день и который обнаруживает ощутимую духовную близость с происходящим в романе. Доминирующий мотив всего жития – *милосердие* и *всеопрощение* ко всем «нищим и убогим» и «ко всем, терпящим бедствия» духовной и материальной нищеты [с. 281,

282 и мн. др.], что и оправдывает прозвище святого, *Милостивый*. Вся жизнь св. Иоанна руководствуется евангельскими словами: «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» [с. 284]; «Посему, кто желает обрести милость у Бога, тот должен иметь милосердие к ближним и подавать милостыню» [с. 286]. Следует подчеркнуть, что кроме общих характеристик агиографического героя, таких как «кротость, смирение и незлобие», *единственно* только в этом житии императив «*всё прощать ближнему*» [с. 291] представлен с такой силой. Другая доминантная характеристика – это желание св. Иоанна «непрестанно содержать в своем уме *память смертную*», для чего он «приказал устроить для себя гроб, только не отделять его» [с. 291]. Кроме того, там сказано, что св. Иоанн Милостивый «часто совершал Божественную литургию за умерших и говорил, что совершаемая за умерших Божественная литургия *приносит великую пользу усопшим*» [с. 297]. Все эти мотивы являются центральными и для *Эпилога* «Братьев Карамазовых». Несомненно, всю атмосферу этой заключительной части романа можно назвать «элеусной» и «всепрощающей» (Ελεούσα – *милосердная* из герч: έλεος – *сострадание, сочувствие*), так как она имеет прямое отношение к происходящему. Например: *милостыня*, которую дала Катерина Ивановна бедствующей семье Снегиревых; огромная сумма, *безвозмездно отданная* Иваном за «спасение» Мити; взаимное *опрощение* Мити и Кати; *прощание* детей с мертвым Илюшечкой; «*вечная память*», связывающая Алешу, мальчиков и Илюшу; вера во всеобщее *воскресение из мертвых* и т. д. – все эти «светские» события получают свое духовное осветление в *Житии Иоанна Милостивого*.

В заключение можно обобщить, что агиографические тексты Четых-Миней, проявляющие себя как своеобразный глубинный «палимпсест» по отношению к тексту романа, «претворяют» (в литургическом смысле) *жизнь* человека в *житие* и «кайротизируют» *время в вечность*.

Библиографический список

1. Ветловская В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». – Ленинград:

Наука, 1977. – 199 с.

2. Гаричева Е.А. Преображение личности в романе «Братья Карамазовы» // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – №2. – С. 120–130.

3. Гроссманъ Л. Библиотека Достоевского. – Одесса: Книгоиздательство А. А. Ивасенко, 1919. – 168 с.

4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. – Ленинград: Наука, 1972–1990.

5. Житія Святыхъ, на рускомъ языкѣ изложенныя по руководству Четьих-Миней Св. Димитрія Ростовскаго. – М.: Синодальной Типографіи, 1903–1911. – Т. 1–12.

6. Пономарева Г.Б. Житийный круг Ивана Карамазова // Достоевский. Материалы и исследования. – Ленинград: Наука, 1991. – Т. 9. – С. 144–166.

7. Тихомиров Б.Н. „Лазарь! гряди вон”. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. – СПб: Серебряный век, 2005. – 468 с.

Криницын Александр Борисович
доктор филологических наук, доцент
Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова
Россия, Москва
e-mail: derselbe@list.rus

Krinityn Aleksandr Borisovith
Assoc.prof., PhD in filology
Lomonosov Moscow State
University
Russia, Moscow
e-mail: derselbe@list.rus

А.Б. Криницын
**Образ Руси-тройки у В. Гоголя («Мертвые души»)
и Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы»).**

Аннотация. В статье разбирается философско-культурологический смысл символа Руси тройки в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя как русского логоса. Достоевский возмущается карикатурой на образ Руси тройки в устах прокурора, но соглашается с верностью обрисованной им структуры. Метафизические черты гоголевского символа ложатся в основу определения «карамазовщины» как «русской природы» с ее «широтой», страстью во всем до «последних пределов доходить» и переходить «последнюю черту», а русская любовь к «быстрой езде» у Гоголя оборачивается тягой к стремительному полету и падению у героев Достоевского. Показывается, насколько последовательно Достоевский воспроизводит «русскую метафизику» Гоголя, придавая ей роковой, катастрофический пафос, но сохраняя ее мессианскую интенцию.

Ключевые слова: Достоевский, Гоголь, «Мертвые души», «Братья Карамазовы», тройка, русский национальный характер, карамазовщина.

А.В. Krinityn
**The image of Russian troika in N. Gogol's "Dead souls"
and Dostoevsky's "The Brothers Karamazov"**

Abstract. The article treats of philosophical and culturological meaning of the symbol of Russia-troika in "Dead souls" by Gogol considered as a Russian logos. Although Dostoevsky is outraged by a caricature of the image of Russia-troika presented by the prosecutor in "The brothers Karamazov", he agrees that the structure depicted is true to life. Metaphysically, the phenomenon of "karamazovschina" understood as Russian nature with its width, passionate desire to transgress all boundaries in everything, is based on Gogol's symbol, whereas Russian love of fast ride, also noted by Gogol, in Dostoevsky's novel turns out to be a desire for violent flight and come-downs of his characters. The article aims to show how consistent Dostoevsky was in his reproduction of the Russian metaphysics in Gogol's sense, giving it a fatal, catastrophic character, yet retaining its positive sense and salvatory intention.

Keywords: Dostoevsky, Gogol, “Dead souls”, “The brothers Karamazov”, troika, Russian national character, karamazivcshina.

Образ Руси *тройки* в финале первого тома «Мертвых душ» Гоголя – один из самых важных архетипических символов России в литературе XIX века. В свою очередь, он неотделим от образа бескрайних русских *просторов* и прочерчивающих их *дороги* как символа жизненного и духовного пути. Это триединство символов (тоже своего рода «троица» или «тройка»), оживленное и наполненное русским народом, представляет собой для Гоголя Россию феноменальную, парадоксальным образом интегрирующую в себе необъятность пространства, стремительность движения и бесконечность пути – не всегда прямого и часто непредсказуемого. При ближайшем рассмотрении феномен русского пространства оказывается метафизически загадочным («*Чего пророчит сей необъятный простор?*» [4, с.221]) и аксиологически амбивалентным. С одной стороны, он пуст, нищ, тоскливо однообразен, в противоположность богатству живописных и культурных ландшафтов Европы («*Открыто-пустынно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора*» [4, с.220]). Это позволило М. Вайскопфу писать об «отрицательном ландшафте», возникшим под воздействием на Гоголя историософии Чаадаева и Каткова [2]. Действительно, сам Гоголь в черновиках к МД связывал пустоту со смертью¹.

С другой стороны, скудная пустыня в православной традиции обладает бесконечной духовным притяжением («*Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе?*» [4, с.220]), а бескрайность русского хронотопа «пророчит» о рождении в его пределах великой силы («*Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца?*» [4, с.221]). В итоге монументальный образ России (ее незримая духовная сущность, душа России) оказывается положительным, невзирая на внешнее

---

¹ «Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота. <...> Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает нетрогающий мир» [4, с.692]

несовершенство (вплоть до крайностей уродства). Согласно такому представлению, России предстоит великое будущее: она, в отличие от Европы, еще не реализовала себя, не сказала свое «слово» (как это формулировал и Чаадаев в «Апологии сумасшедшего»).

Схожим образом трактует эту тему А. В. Михайлов: «[русская]...действительность, осмысленная по Гоголю, владеет, внутри себя, способностью самосовершенствования, она не где-нибудь, но в себе самой обладает огромной силой позитивности, так что высшее и руководящее начало, которое можно назвать и неземным, и небесным, действует, как мощная энергия, не чуждая самой этой действительности, но всецело присущая, принадлежащая ей в глубинах ее, и способна преобразовать саму себя» [8, с.212].

«Оживляет» пустую широту русский *логос* (от низкого, «метко сказанного» «русского слова» до высокой песни: «*Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце?*» [4, с.220]) и стремительно несущаяся по своему неведомому пути *тройка*.

В метафизике Гоголя смерть мыслится как застылость, неподвижность («Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся мир»), соответственно *жизнь* – как *движение*, в двух возможных его измерениях: в *пространстве* (дорога) и во *времени* (эволюция, жизненный путь), которые метафорически переходят одно в другое. Жизнь интенсифицируется пропорционально скорости (автор обозревает «всю громадно несущуюся жизнь»). Поэтому дорога «воскрешает»¹, и должен воскреснуть духовно находящийся в постоянном странствии Чичиков. Бескрайние просторы открывают бесконечную возможность движения, более того – *порождают* его («*Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?*» [4, с.221]) и наконец *переходят* в него, «разрешаются» в движение. Говоря языком физики, *потенциальная* энергия духа претворяется в *кинетическую* энергию движения. Таким образом, феноменальное и ноуменальное незаметно переходят друг в

---

¹ «Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала!» [4, с.222]

друга в рисуемом Гоголем художественном образе России, вследствие чего последняя предстает стремительно летящей, в отличие от прочих статично расположенных на земле государств. («*Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? <...> и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства*» [4, с.247]).

Однако смысл и природа этого движения в поэтическом строе Гоголя так же амбивалентны. С одной стороны, он видит высшее божественное предназначение России и ее пути: тройка названа «Божьим чудом», ее бег уподобляется полету: «*...почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богом! . . .*» [4, с.247].

С другой стороны, много в описании тройки и чисто романтических коннотаций (овеянность тайной, в ее скорости «слышится что-то восторженно-чудное»). Можно уловить и античные языческие: так, она уподобляется «молнии, сброшенной с неба» (что можно ассоциировать как с библейским Яхве, так и, вероятнее, с Зевсом-громовержцем), а «медные груди» коней уподобляют её римским монументам триумфальных колесниц. М. Вайскопф склонен возводить символику тройки к платоновской «колеснице души» из диалога «Федр» [3].

Наконец, в силу романтического дуализма, в тройке сквозит и нечто темное, демоническое. Бесконечное и чистое становление движения ведет к нивелиации твердых очертаний реальности, что «наводит ужас» не только на созерцателей, но и на седока: «*Дымом дымится под тобою дорога, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога нивесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканьи, где не успевают означиться пропадающий предмет*» [4, с.246].

Темный лес елей и сосен (деревья с народной коннотацией смерти: «под елью – удавиться», а из сосен сбивают гроба), стук топора и зловещий вороний крик, ощущение провала дороги из видимого мира в страшное неведомое – предвещают трагический и «страшный» конец пути. Возникает ассоциация с «Бесами» Пушкина, где тройку в пустом поле сбивает с дороги бес, а затем сонм

«безобразных» духов неотступно сопровождает ее скачку.

Образ тройки в русской поэзии необозрим по контекстам, и рассмотреть его не входит в нашу задачу. Мы сознательно уходим от его фольклорных «дорожных» мотивов его бытования, и даже от философского аллегорического как «колесницы жизни» («Мечты» В.А. Жуковского, «Дорога жизни» Е.А. Баратынского, «Жизнь» Д.В. Веневитинова, «Телега жизни» А.С. Пушкина и сосредотачиваемся на тех, где она задается как архетип России. Из последних хотелось бы отметить поэму «Поля» А.Н. Майкова, где бешеная езда на тройке символизирует устремленность русского народа к новому неизведанному будущему после отмены крепостного права. Молодой парень-ямщик, не в силах сформулировать своих представлений о будущем, вместо ответа пускает коней вскачь:

<p>...И тройка ринулась вперед! Вперед – в пространство без конца! Вперед – не внемля ничему! То был ответ ли молодца, И кони ль вторили ему, – Но мы неслись, как от волков, Как из-под тучи грозовой, Как бы мучителей-бесов Погоню слыша за собой...</p>	<p><...> Неслись... "Куда ж те дьявол мчит!" Вдруг сорвалось у старика. А тот летит, лишь вдаль глядит, А даль-то, даль - как широка!.. 1861 [7, с.361]</p>
---	---

Интересно отметить, что при доминирующем развитии гоголевской символики («в пространство без конца», «грозовая туча»¹, «поля мелькали» и т.д.), у Майкова очевидны и аллюзии на «Бесы» Пушкина (помимо туч – волки, погоня «мучителей-бесов», восклицание: "*Куда ж те дьявол мчит!*"), хотя общий смысл поэмы сводится к вере в Русь-тройку. Майков, как мы помним, был ближайшим другом Достоевского и его единомышленником.

Деятели революционно-демократического литературного лагеря также использовали образ тройки, полемически переосмысляя

¹ Ср. у Гоголя: «*И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством.*».

его, несмотря на весь свой пиетет перед наследием Гоголя, чтобы выразить свой собственный взгляд на пути развития России. Так, уже в 1846 году появляется стихотворение Н.А. Некрасова «Тройка», где тройка-«жизнь» пронесится мимо поработанного русского народа: «*Не нагнать тебе бешеной тройки: Кони крепки и сыты и бойки, – И ямщик под хмельком, и к другой Мчится вихрем корнет молодой...*» [9, с.44].

В 1860 г. Н.А. Добролюбов, почти одновременно с А.Н. Майковым, использует образ Руси-тройки в стихотворении «В прусском вагоне», высмеивая техническую отсталость России от Запада, в которой славянофилы якобы усматривают особый смысл и провиденциальную роль славянской державы:

<p>То ли дело с тройкой! Мчусь, куда хочу я, Без нужды, без цели Землю полосуя.</p>	<p>Но, увы, уж скоро Мертвая машина Стянет и раздолье Руси-исполина.</p>	<p>Не пойдет наш поезд, Как идет немецкий: То соскочит с рельсов С силой молодецкой; <...></p>
<p>Не хочу я прямо - Забирай налево, По лугам направо, Взад через посеvy.</p>	<p>Но не поддадимся Мы слепой рутине: Мы дадим дух жизни И самой машине.</p>	<p>Да, я верю твердо: Мертвая машина Произвол не свяжет Руси-исполина. Верю: все машины С русскою природой Сами оживятся Духом и свободой!</p>

За противопоставлением «живой» тройки «мертвой машине» Запада у Добролюбова прочитывается ироническое снижение гоголевской историсофской концепции неиссякаемой «живости» России, воплощенной в свободном движении тройки.

Таков был социокультурный контекст образа тройки к 1860-70-м годам, когда Достоевский создавал романы «пятикнижия».

Значение творчества Гоголя для Достоевского не нуждается в специальном обосновании [см. 13, 14]. В позднем творчестве Достоевского, в романах «пятикнижия», на первый план выступают не художественные, а идеологические пересечения, которые мы и

намерены разобрать подробнее (рассмотрение публицистики Достоевского не вместились бы в рамки данной статьи). Достоевский согласен с Гоголем в главном: у России становящейся, России будущей есть мессианское культурно-цивилизационное предназначение, каковые идеи писатель наиболее полно выразил в своей итоговой Пушкинской речи, а в «Братьях Карамазовых» они проводятся имплицитно, выводятся из системы персонажей, в особенности из характерологии семейства Карамазовых, символически представляющих образ России и проекцию ее духовной жизни.

В константах русского характера у Достоевского мы без труда узнаем гоголевские идеологемы.

Прежде всего, Гоголь подчеркивал в русской натуре желание «развернуться», соответствующее бескрайности русских просторов. Так, при знакомстве читателя с Плюшкиным, автор замечает: *«Подобное явление редко попадает на Руси, где все любит скорее развернуться, нежели съежиться, и тем поразительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь»* [4, с.120].

В каждом из героев 1 тома «Мертвых душ» присутствует и действует русский логос, пусть искаженный и опошленный, с его интенцией развертывания: у Манилова – в его прожектах, Ноздрев – в кутеже и отрицании границ своих владений¹, у Собакевича – в еде; один Плюшкин, напротив, стремится съежиться, но при этом возникает чудовищный оксюморон, ибо съежиться желает громадное). Желание развернуться коренится даже в натуре расчетливого Чичикова. Прорываясь наружу, оно раз за разом рушит его масштабные проекты обогащения, из-за чего ему приходилось начинать все сначала: *«И вот решил он сызнова начать карьер, вновь вооружиться терпением, вновь ограничиться во всем, как ни привольно и ни хорошо было **развернулся** прежде»* (233).

В знаменитом отступлении XI главы, сказано, что именно здесь,

---

¹ «Вот граница!» сказал Ноздрев: «всё, что ни видишь по эту сторону, всё это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и всё, что за лесом, всё это мое» [4, с.74].

на Руси, должен народиться богатырь *«когда есть место, где развернуться и пройти ему»* [4, с.221]. Та же черта отражается и в эпизодических комических образах, например, в отступлении про Мокия Кифовича, который был *«то, что называют на Руси богатырь, <...> двадцатилетняя плечистая натура его так и порывалась развернуться. Ни за что не умел он взяться слегка: все или рука у кого-нибудь затрещит...»* [4, с.244].

Интенции «развернуться» у Гоголя соответствует метафора «расшириться» – у Достоевского. Первое, что мы узнаем о русской натуре от Достоевского – ее безмерная широта. *«Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чорт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой»* [6, т.14, с.100]¹. Именно широту натуры выделяет на суде прокурор как основную черту Мити, равно как и всей России: *«...он как бы изображает собою Россию непосредственную, – о, не всю, не всю, и боже сохрани, если бы всю! И однако же, тут она, наша Россеюшка, пахнет ею, слышится она матушка. О, мы непосредственны, мы зло и добро в удивительнейшем смешении»* [6, т.15, с.128], *«...мы натуры широкие, Карамазовские, – я ведь к тому и веду, – способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения»* [6, т.15, с.129]. *«Мы широки, широки как вся наша матушка Россия, мы всё вместим и со всем уживемся!»* [6, т.15, с.129].

Таким образом, широта натуры входит в определение «карамазовщины» (15; 99), «карамазовского бузудержа» [6, т.15, с.144], и приобретает (в речи прокурора) явно отрицательные коннотации, такие как страстность, разнузданность и беспорядочность. Стремление к «широте» влечет за собой жажду

---

¹ Оборот речи «чорт знает, что такое!» -- излюбленный Гоголем и является дополнительной аллюзией на него (ср. в МД [4, с. 24, 39, 166, 174, 175, 198, 209]) Вообще в творчестве Достоевского часты утверждения о том, что русские шире по натуре, чем европейцы (вспомним хотя бы рассуждение о русских романтиках из «Записок из подполья», которые «шире» их немецких братьев до того, что широта оборачивается подлостью *«Широкий человек наш романтик и первейший плут из всех наших плутов»* [6, т.5, с.126]. То есть, так же, как у Гоголя, эта «широта» может принимать уродливые формы.

переступания всех границ. Про Раскольниково сказано, что он *«разом до последних столбов дошел»* [6, т.6, с.351] (кстати теми же словами говорит о себе и Порфирий [6, т.6, с.346]).

Наиболее отчетливо писатель сформулировал свое представление об этой черте русской природы в очерке «Влас» («Дневник писателя» за 1973 г.): *«Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой. <...> Но зато с такого же силою, с такого же стремительностью, с такую же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до **последней черты**, то есть когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва – порыва отрицания и саморазрушения»* [6, т.21, с.35]. В этой модели опасность (якобы) коренной русской черты высказывается до конца и усугубляется по сравнению с романтизацией ее у Гоголя, но одновременно указывается и на *спасительное противодействие*, коренящееся в природе не менее глубоко.

Отметим, кстати, что стремлению русской души «развернуться» прямо противоречит нарочитая стесненность и закрытость городских пространств как в «петербургских» повестях Гоголя, так и в прозе Достоевского (ср. образы «угла», «подполья», «каморки» и их «адскую» философскую проекцию – «баньки с пауками» или «вечности на аршине пространства» [11]). Петербургские герои Гоголя преодолевают противоестественную «ограниченность» обыденного бытия только через смерть (Башмачкин) или безумие (фантастический полет на тройке «домой» Поприщина). У Достоевского не находится места подобным фантазмагориям: герои Достоевского «раздвигают» свое пространство виртуально – через мечты и идеи, возносясь до самоощущения вершителей мироздания. Мы не можем себе представить «мчащегося» Раскольникова. Наоборот, Миколка из его сна забивает лошаденку за то, что «вскачь не шла». Пьяного Мармеладова давят еле идущие лошади. Все это

можно воспринять как «обращение» гоголевских мотивов. При этом душевное воскресение Раскольниковца совершается при перемещении его петербургской замкнутости на бескрайние степные просторы. То есть Достоевский прямо воспроизводит гоголевскую пространственную дихотомию.

С желанием развернуться прямо связана и любовь к стремительному движению, которая уже у Гоголя означает захваченность неведомой силой, **полет**, превращающийся в **падение**, переживаемое как «восторженно-чуждое» и «**страшное**», вплоть до гибели: *«И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт поberi все!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: <...> летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье»* [4, с.246].

Название роману «Бесы», как известно, было дано по пушкинскому стихотворению, взятому в эпиграф. Мы уже помним, что там изображается угрожающая скачка тройки, которая проецируется на судьбу России, подвергаемую гибельной опасности от бесов-революционеров. Так же, как и Гоголя, стремительная езда означает здесь предание себя неведомым стихиям, одержимость, но роковой характер и катастрофичность ее усилены. Данный мотив в антропологии Достоевского накладывается, как мы видим, на порыв и тягу к падению.

Особенно стоит отметить ощущение стремительного, головокружительного падения, охватывающего героя во время исповедальных – редких после долгого молчания, но отчаянных, как *«потребность поиграть с огнем или слететь с башни»* (9;151). Ипполит читает свою исповедь, как будто *«летит с колокольни»*¹ (8; 347).

¹ В связи с этим можно вспомнить аналогичный мотив в «Мертвых душах», когда Чичиков представляет безвременную кончину Пробки Степана при падении с колокольни (*«Взмогился ли ты для большого прибытку под церковный купол, а может быть, и на крест потащился и, поскользнувшись оттуда с перекладки, шлепнулся оземь, и только какой-нибудь стоявший возле тебя дядя Михей, почесав*

«С тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни», признается Соне в убийстве Раскольников [6, т.6, с.315]. Аглая перед Настасьей Филипповной, *«решительно была увлечена порывом в одну минуту, точно падала с горы, и не могла удержаться пред ужасным наслаждением мщения»*. [6, т.8, с.472]. То же сравнение употребляет и Митя: *«Тебе одному все скажу, <...> потому что завтра лечу с облаков, потому что завтра жизнь кончится и начнется. Испытывал ты, видал ты во сне, как в яму с горы падают? Ну, так я теперь не во сне лечу и не боюсь, и ты не бойся. То есть боюсь, но мне сладко»* [6, т.14, с.97]. Грушенька на суде *«говорила так, как будто летела в какую-то пропасть»* [6, т.14, с.113]. В «Подростке» юный и невыдержанный Аркадий всякий откровенный разговор воспринимает как полет, срыв или падение: *«Я весь как бы летел. Меня как бы что-то толкало. Я никогда, никогда так не говорил с нею»* [6, т.13, с.202]; *«задыхался я и летел, и мне так хотелось лететь, мне так было это приятно»* [6, т.13, с.220]. *«Я разом сломал все заборы и полетел в пространство»* [6, т.13, с.204]. То же сравнение используется для описания ощущений азарта рулетки («Игрок»): *«...было одно мгновение ожидания, похожее, может быть, впечатлением на впечатление, испытанное madame Blanchard, когда она, в Париже, летела с воздушного шара на землю»* [6, т.5, с.293].

Метафора падения может быть переведена в план морально-этический, как это делает на суде прокурор: **«Ощущение низости падения** так же необходимо этим разнузданным, безудержным натурам, как и ощущение высшего благородства» [6, т.15, с.129].

В духе прокурора трактует характер героев Достоевского Н. Д. Арутюнова, проанализировав стихийность их природы и страсть к падению: *«При таком мироощущении жизнь представляется не как движение к цели (Цели нет передо мною: Сердце пусто, празден ум), а как стихийный поток, несущий человека в неведомом направлении и грозящий катастрофой, но, думает человек, авось пронесет»* [1, с.846].

рукою в затылке, примолвил: «Эх, Ваня, угораздило тебя!», а сам, подвязавшись веревкой, полез на твое место» [4,с.136], что рисует у Гоголя лихость и живость русской природы.

Однако при учете гоголевских претекстов мотив приобретает изначальную полноту: полет вдаль (в структуре горизонтального хронотопа) и полет вниз (падение или взлет, вертикальный хронотоп) у Достоевского совмещаются в русском логосе. Движение вниз – лишь одно из проявлений стихийности русской «живой жизни», не лишаящее ее силы и инстинкта самосохранения. И уж безусловно не означающее конца.

Езда на тройках в «пятикнижии» всегда символизирует поворотный момент в жизни героев, с решимостью броситься в бездну, сжигая мосты за собой. Так Настасья Филипповна уезжает со своих именин на тройках с Рогожиным, сжегши сто тысяч и отказавши князю. Этот неожиданный поступок выглядит как невозможность противостоять искушению гибели, представшему перед ней как бешеная езда на тройке в неизвестность. («– *Тройки ждут с колокольчиками! Настасья Филипповна схватила в руки пачку*» [6, т.8, с.144]. Точно так же и Грушенька уезжает к жениху поляку, когда тот присылает за ней тройку («...*вдруг кровь бросилась в ее голову и залила ее щеки огнем. – Еду! – воскликнула она вдруг. – Пять моих лет! Прощайте! Прощай, Алеша, решена судьба... <...> Полетела Грушенька в новую жизнь... <...> Может на смерть иду! Ух! Словно пьяная!*») [6, т.14, с.324].

Но самая отчаянная и философски значимая езда во всем «пятикнижии» – это погоня Дмитрия за Грушенькой в Мокрое. В этот момент он уже узнает, что она уехала к своему «бывшему», и в его душе наступает неожиданный для читателя перелом. Он едет не мстить, а... попросить прощения и покончить с собой на ее глазах, «*отстраниться и дать дорогу!*» (опять метафора освобождения пути). Голова его кружится от отчаяния и вместе с тем «истерического восторга». Пока он «летит» на самом быстром ямщике, «*быстрая езда как бы вдруг освежает*» его [6, т.14, с.369]. Ямщик изо всех сил гонит тройку, но осуждает в разговоре мучителей лошадей (антитеза Миколке из сна Раскольниковова): «...*потому другой ломит зря хоша бы и наш ямщик... И удержу ему нет, так он и прет, прямо тебе так и прет. — Во ад? - перебил вдруг Митя и захохотал своим неожиданным коротким смехом*» [6, т.14, с.371]. Так вводятся в повествование уже знакомые нам

«катастрофические» гоголевско-пушкинские коннотации мотива.

Однако в итоге он разрешается совсем в иную тональность.

Пока *«тройка летела, "пожирая пространство"»*, любовь к Грушеньке «всё сильнее и сильнее захватывала ему дух» и «отгоняла все остальные страшные призраки от его сердца» [6, т.14, с.370]. Однако настоящие «мытарства» его еще только начинаются. Не успевший насладиться внезапно обретенной любовью Грушеньки, Дмитрий оказывается арестован по ложному подозрению и по ходу допроса понимает, что вряд ли избежит каторги. Когда, утомленный потрясением, он забывается сном, ему снится, что он вновь лихо летит на тройке унылой, холодной ноябрьской степи и проносится мимо погорелой деревни: *«виднеются избы черные-пречерные, а половина изб погорела, торчат только одни обгорелые бревна»*. И Митя отчаянно восклицает, обращаясь больше сам к себе: *«...почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не накормят дитё? <...> И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще небывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого, и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержем карамазовским <...> и хочется ему жить и жить, идти и идти в какой-то путь, к новому зовущему свету, и скорее, скорее, теперь же, сейчас!»* [6, т.14, с. 456-457].

Здесь узнается архетипический ландшафт России из гоголевского отступления XI главы «Мертвых душ»: голая, «неприятная» и «бедная» равнина (усугубленная, в духе Некрасова, черным горем погорельцев). Полет на тройке остается моделью и символическим прообразом духовного пути Мити, стихией его бытия. Стремительная езда интуитивно обуславливает поднимающуюся в его душе волну жалости и *умиления* (ср. у Гоголя: «Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе?») [4, с.220], и он отдается новому жертвенному порыву с тем же страстным

«безудержем карамазовским», который, как оказалось, может вывести на путь «к новому, зовущему свету»!

Так безумная скачка в Мокрое, символически продолженная во сне о «дите», становится спасительной и прямо в гоголевском ключе «воскрешает» Митю. На тройке Грушенька готова следовать за ним и в Сибирь: *«А что ж, и в Сибирь, коли хочешь, всё равно... работать будем... в Сибири снег... Я по снегу люблю ехать... и чтобы колокольчик был... Слышишь, звенит колокольчик...»* [6, т.14, с. 399].

В свете вышеозначенных мотивов гораздо понятнее становится обращение к образу гоголевской тройки «либерально» настроенного прокурора на суде. Вначале прокурор, подобно Н. Добролюбову, сатирически снижает образ гоголевской тройки в знак того, что вряд ли от России стоит ожидать великих свершений [6, т.15, с. 125] и что если сторонятся ее в Европе, то не от почтения, а от ужаса и омерзения. Затем он образно отождествляет хаос «карамазовщины» как «непосредственной» русской природы с мчащейся гоголевской Русью тройкой. Завершает свою речь прокурор призывом осудить Дмитрия, символически видя в этом возможность остановить скачку Руси-тройки – как ради ее же спасения, так и ради спасения от нее всего «цивилизованного» мира: *«...роковая тройка наша несется стремглав и может к гибели. И давно уже в целой России простирают руки и взывают остановить бешеную, беспардонную скачку. И если сторонятся пока еще другие народы от скачущей сломя голову тройки, то может быть вовсе не от почтения к ней, как хотелось поэту, а просто от ужаса - это заметьте. От ужаса, а может и от омерзения к ней, да и то еще хорошо, что сторонятся, а пожалуй возьмут да и перестанут сторониться и станут твердою стеной перед стремящимся видением и сами остановят сумасшедшую скачку нашей разнузданности, в видах спасения себя, просвещения и цивилизации! Эти тревожные голоса из Европы мы уже слышали. Они раздаваться уже начинают. Не соблазняйте же их, не копите их всё нарастающей ненависти приговором, оправдывающим убийство отца родным сыном!...»* [6, т.15, с. 150].

Разумеется, Достоевский склонен скорее согласиться с адвокатом Фетюковичем, воспринимающим Россию с христианских

позиций: *«Пусть у других народов буква и кара, у нас же дух и смысл, спасение и возрождение погибших. И если так, если действительно такова Россия и суд ее, то – вперед Россия, и не пугайте, о не пугайте нас вашими бешеными тройками, от которых омерзительно сторонятся все народы! Не бешеная тройка, а величавая русская колесница торжественно и спокойно прибудет к цели»* [6, т.15, с. 173].

В «спасении человека погибшего» Достоевский действительно видел важнейшую христианскую идею всей европейской литературы XIX столетия¹. Вполне по-славянофильски Фетюкович противопоставляет здесь милость и благодать закону (как бы не веря лично в невиновность Дмитрия). Но апология образа гоголевской Руси тройки самим Достоевским заключена не в стилистической переакцентуации ее аллюра с бешеной скачки на величавый ход «колесницы» (про символику образа колесницы см.[10]). Она произошла уже ранее на идеологическом уровне – в момент истолкования «карамазовского безудержа» Дмитрия как спасительной полноты «живой жизни» (3 ч. 9 кн. VIII «Показание свидетелей. Дитё»). Амбивалентность страстных порывов и стремления расширяться за все пространственные и идейные горизонты не замалчивается Достоевским и вслед за Гоголем относится им к сущности русского логоса, и, подобно Гоголю, рассматривается им как неповторимый метафизический русский путь к идеалу.

Итак, работая на мотивном уровне, мы с удивлением видим, насколько много Достоевский берет от Гоголя при построении символического образа Руси и разработки черт русского характера, вплоть до того, что к Гоголю восходит генезис «карамазовщины». Достоевский воспроизводит гоголевский идеал России – как противоречивый, но сохраняющий свою мессианскую интенцию, однако еще больше заостряет хаотичность русской природы – вплоть до того, что рисует ее состоящей из оксюморонно несоместимых друг с другом черт. И в этом смысле сам переходит, как идеолог, за «последнюю черту», намеченную, но так и не форсированную Гоголем.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 846-869.
2. Вайскопф М. Отрицательный ландшафт: имперская мифология в «Мертвых душах» // Птица тройка и колесница души: Работы 1978-2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 219-234.
3. Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: Платон и Гоголь // Птица тройка и колесница души: Работы 1978—2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 219-234.
4. ГОГОЛЬ Н.В. Полное собрание сочинений В 14 т. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952. - Т. VI. 1951.
5. Добролюбов Н.А. Стихотворения. М.-Л.: Советский писатель. Сер.Малая библиотека поэта, 1962.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание соч. В 30 т. Л., 1971-1990 (при цитировании указывается том и страница)
7. Майков А.Н. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель. Сер.Большая библиотека поэта, 1977.
8. Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе // Михайлов А.В. Обратный перевод. – М., 2000.
9. Некрасов Н.А. Полное собр.соч. в 15 т. Т.1. – Л.: Наука, 1981.
10. Тарасов Ф.Б. Речь Ф.М. Достоевского о Пушкине: между «тройкой» и «колесницей» // Знание.Понимание. Умение. – М., 2011. – № 3. – С. 155-161.
11. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического мышления. – М., Прогресс: Культура, 1995, с. 193-258.
12. Треногина Е.В. Пространство дороги в произведениях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского: («Мертвые души» и «Бесы») // Внутренний строй литературного произведения: Сб. научных статей. – Владимир, 2001. – С. 72–83.
13. Фридендер Г.М. Достоевский и Гоголь // Достоевский: Материалы и исследования. – Л., Наука, 1987. – Т. 7. – С. 3-21.
14. Фридендер Г.М. От «Мертвых душ» к «Братьям Карамазовым» // Достоевский: Материалы и исследования. – СПб.: Наука, 1996. – Т. 13. – С. 16-22.

Молчанов Виктор Федорович
Доктор исторических наук
Заведующий отделом рукописей
Российской государственной
библиотеки
Россия г. Москва
e-mail: MolchanovVF@rsl.ru

Molchdnov Viktor Fedorovich
Doctor of Historical Sciences
Head of the Department of Manuscripts
Russian State Library
Russia, Moscow
e-mail: MolchanovVF@rsl.ru

В.Ф.Молчанов Символ веры Ф.М. Достоевского

Аннотация. В статье, приуроченной к 200-летию со дня рождения классика русской и мировой литературы Ф.М. Достоевского, освещается история трех тайных писем писателя, отправленных из ссылки в Сибири. В литературоведении письма к брату Михаилу, Н.Д. Фонвизиной и А. Майкову, хранящиеся ныне в фонде рукописей Российской государственной библиотеки, признаются важнейшими автобиографическими документами того периода. Обращается внимание на важнейшую тему постижения великим писателем смысла Нового завета через уникальное Евангелие, хранящееся в Отделе рукописей РГБ (далее ОР РГБ) и содержащее более 1400 его помет.

Ключевые слова: евангелие, личный архив Ф.М. Достоевского, эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского, отдел рукописей, Российская государственная библиотека.

V. F. Molchanov The symbol of Dostoevsky's faith

Abstract. The article, dedicated to the 200th anniversary of the birth of the classic writer of Russian and world literature F.M. Dostoevsky, covers the story of three secret letters he sent from his exile in Siberia. In literary criticism, the letters to his brother Mikhail, N.D. Fonvizina and Ap. Maykov, now stored in the manuscript fund of the Russian State Library, are recognized as the most important autobiographical documents of that period. Attention is drawn to the most important topic of the great writer's achieved understanding of the meaning of the New Testament through the unique Gospel, stored in the Manuscript Department of the RSL (hereinafter OR RSL) and containing more than 1400 of his letters.

Keywords: Gospel, personal archive of F.M. Dostoevsky, epistolary heritage of F.M. Dostoevsky, Manuscript Department, Russian State Library.

Письма XIX столетия – уникальные исторические документы, олицетворяющие память прошлого, которое смотрело в будущее.

Россыпи драгоценных сокровищ эпистолярного наследия классиков отечественной и мировой литературы открывают перед нами глубинную сущность философии русской жизни, гениальную откровенность размышлений, чувств и переживаний, мир науки, жизни общества, культуры.

Творческое наследие Ф. М. Достоевского еще при жизни писателя привлекало и привлекает в третьем тысячелетии живое внимание критиков, читающей просвещенной аудитории, ученых, как в России, так и за рубежом.

Неослабевающий интерес вызывают не только неопубликованные произведения, но и личный архив Ф. М. Достоевского, сохраняющий бесценный материал для новых открытий. История формирования архивного наследия Ф. М. Достоевского представляет собой многотрудный процесс, в котором принимали участие родственники, друзья, сподвижники гениального русского писателя, их преемники и последователи. На протяжении десятков лет, в силу объективных и субъективных обстоятельств, рукописи Ф. М. Достоевского неоднократно меняли места бытования и владельцев, перемещались по различным городам и учреждениям.

В настоящее время личный архив Ф. М. Достоевского находится, главным образом, на хранении в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд № 93), общий объем которого составляет более 2 тыс. единиц хранения. Всего же рукописные фонды ОР РГБ насчитывают свыше 700 тыс. единиц хранения VI – XXI вв.

Обладая столь обширным рукописным богатством, ОР РГБ, в процессе экспертизы, научного описания документов, подготовки публикаций, аутентичного воспроизведения авторских текстов столкнулся с существенной проблемой. Авторские и цензурные зачеркивания, пометы, угасший текст, следы бытования, последующие подчистки, исправления не позволяли вводить в научный оборот в некоторых случаях до 15 % текста даже в академических изданиях. Решить столь важную и, вместе с тем,

сложнейшую задачу позволяет факсимильное воспроизведение автографов с приложением аутентичной транскрипции (сохраняя в печатном тексте старую орфографию).

Такое расположение текстов позволяет читателю не только удобно сопоставлять, сравнивать содержание строк, но и понимать авторский стиль, замысел, исключает привнесение вкусовых или иных корректив цензоров, составителей и т.д.

Разумеется, для решения столь актуальных и, вместе с тем, сложных проблем, необходимо выявление, открытие ключевых и полноформатных архивных источников. «Быть верным духу и значит быть верным писателю, подчеркивал, изучая наследие Ф. М. Достоевского, литературовед А. В. Михайлов... – потому что дух и буква, смысл и буква образуют в великом произведении неразрывный союз, и что отнято у одной, то отнято у другого, что отнято у одного, то отнято у другой» [5, с. 178–179].

Письма Ф. М. Достоевского, в процессе расшифровки рукописи, подготовки к факсимильному изданию, увлекают как эпистолярный роман, написанный Гением. Честный и душевно чистый сюжет, изложенный великолепным художником слова, увлекает и вызывает сопереживание, погружает независимо от нас, в особое духовно-интеллектуальное пространство миропонимания классика русской литературы.

Особый интерес представляют письма Ф. М. Достоевского 1854 – 1856 гг.

Осужденный в конце декабря 1849 г. «за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского» на смертную казнь, а затем помилованный, лишенный чинов и всех прав сословия, сосланный на 4 года на каторжные работы в Сибирь, Ф. М. Достоевский смог тайно передать первое письмо брату Михаилу лишь в начале 1854 года. «Вот уже неделя как я вышел из каторги. Это письмо посылается тебе в глубочайшем секрете, и об нем никому ни полслова. Впрочем я пошлю тебе письмо и официальное, через штаб Сибирского Корпуса. На официальное отвечай немедленно, а на это при первом удобном

случае» [2, л. 15 об.]¹, – сообщал Ф. М. Достоевский в своем первом письме от 22 февраля 1854 года, переданном через доверенное лицо из Омска старшему брату Михаилу.

В отечественном литературоведении письмо М. М. Достоевскому относят к числу «важнейших автобиографических документов о годах каторги». При всей справедливости оценки, следует отметить, что она не отражает всей полноты и многожанровости письма, оно – гораздо масштабнее. Ф. М. Достоевский вспоминал о невзгодах и тяготах каторжной жизни, о лютых сибирских морозах, о том, что «промерзал до сердца», но и убежденно писал, что скоро все переменится, они скоро встретятся. В его словах предугадывается дар пророчества, о котором напишут публицисты в XX – XXI вв. «А я теперь вздору не напишу. Услышишь обо мне. Мы увидимся, брат, очень скоро. Я верю в это как в дважды два. На душе моей ясно. Вся будущность моя, и все что я сделаю, у меня как перед глазами. Я доволен своею жизнью» [2, л. 19], - писал, не имея ничего кроме веры, Ф. М. Достоевский.

Вероятно, в одно и то же время с посланием старшему брату, тайно, с доверенным лицом, Ф. М. Достоевский отправил письмо Н. Д. Фонвизиной, написанное в Омске 20 февраля 1854 года. Прошло четыре года со дня их встречи в Тобольске. Посещение в Тобольской тюрьме ссыльного писателя 10 января 1850 г., передача женами декабристов Н. Д. Фонвизиной, П. А. Анненковой, А. Г. Муравьевой «Евангелия» и материальной помощи явилось для Ф. М. Достоевского лучом света во мраке безысходной несвободы, душевных потрясений и переживаний. Воспоминания о том трагическом состоянии души Ф. М. Достоевский оставил в знаменитых записках с печальным названием «из мертвого дома». Федор Михайлович писал: «Эту книгу, с заклеенными в ней деньгами, подарили мне еще в Тобольске те, которые тоже страдали в ссылке и считали время ее уже десятилетиями и которые во всяком несчастном уже давно привыкли видеть брата». Томик Нового Завета, который ныне в литературе именуется – «Евангелие Ф. М. Достоевского» [6] бережно хранится Федором Михайловичем.

---

¹ Отрывки из писем публикуются с сохранением оригинальных орфографии и пунктуации.

Евангелие помогло ему «бесстрашно углубиться в неисследованные глубины и праглубины» человеческой личности, обрести «пророческое вдохновение» [4, с. 507, 389]. Даже антигероям своих произведений Ф. М. Достоевский сумел создать словесный, реальный образ, иллюстрирующий глубокий смысл изречения апостола Павла: «Они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно» (2 Кор. 10:12).

Непрерывный внутренний диалог, постижение мудрости и открывающегося величия Нового Завета, вызвали у Ф. М. Достоевского потребность вновь и вновь перечитывать Священное Писание.

Об этом свидетельствуют многочисленные (более 1400 на 600 стр.) владельческие, познавательного характера, маргиналии Ф. М. Достоевского, установленные и реконструированные с помощью оптико-электронного оборудования учеными ОР РГБ.

Полученные впервые в научной практике достоверные, в полнотекстовом формате результаты, открывают неограниченные возможности для ранее недоступного визуального изучения публикаций.

Итоги оптико-текстологической работы, использованные в настоящем проекте, легли в основу подготовленного Общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» и Российской государственной библиотекой факсимильного издания «Евангелия Ф. М. Достоевского» в 3-х томах.

В трудном, полном мучительных испытаний отыскании истины, жажда веры, Ф. М. Достоевский ощущал помощь Бога, даровавшего ему вдохновенные мгновения совершенного душевного спокойствия, гармонию любви, просветленное восприятие евангельских первооснов. «...В такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост. Вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом нежели с истиной» [3, л.2], – писал Федор Михайлович.

По сути, перед Ф. М. Достоевским, назвавшим себя «дитя века, дитя неверия и сомнений» открылась глубина неизведанной человеком Высоты.

Поражение в Крымской войне 1853 – 1856 гг. России коалицией Турции, Англии, Франции, упорные слухи о самоубийстве императора Николая I, не пережившего позора, будоражили, вызывали недовольство столичной публики.

Из письма Федора Михайловича следует, что он знал о переменах настроений в российском обществе и косвенно упоминал о них. «Идеи меняются, сердце остается одно», - писал он другу. «Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной, обо всем, о чем вы с таким восторгом говорите. Но, друг мой! Неужели вы были когда-нибудь иные? Я всегда разделял именно эти же самые чувства и убеждения» [1, л. 2.], – делился своими размышлениями писатель.

Пройдя через тяжкие испытания каторги и ссылки, Ф.М. Достоевский сохранил веру в душе и верность Отечеству. «Уверяю вас, что я например до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, – это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушные, потому собственно, что мог понять его; ибо был сам русской. Несчастье мое дало мне многое узнать практически, может быть много влияния имела на меня эта практика, но я всегда был русским по сердцу. Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем и ошибкой стать бессовестным, то есть действовать против своего убеждения» [1, л. 2 об.], – отмечал Ф.М. Достоевский.

Три письма, публикуемые факсимильно – три ярких эпизода на пути восхождения к вершине классика отечественной и мировой литературы.

Ф.М. Достоевский, которому просвещенное человечество в 2021 г. отмечает юбилей – 200 лет со дня рождения, вошел в историю культуры России, как феноменальный пример реальности и преодоления границ календарного, текущего в симметрических рамках времени, как явление, соизмеримое временем историческим.

Библиографический список

1. Достоевский Ф. М. Письмо к Аполлону Николаевичу Майкову. Семипалатинск. 18 января 1856 г. ОР РГБ. Ф. 93.1.К. 6. Ед. хр.33. Л. 2.
2. Достоевский Ф. М. Письмо к Достоевскому Михаилу Михайловичу. Омск. 22 февраля 1854 г. ОР РГБ. Ф. 93.1.К. 6.Ед.хр. 13. Л. 15 об.
3. Достоевский Ф. М. Письмо к Наталье Дмитриевне Пушиной (Фонвизиной) Омск. 20 февраля 1854 г. 2 л. ОР РГБ. Ф. 319.К. 6. Ед. хр.42. Л.2.
4. Иустин (Попович), преп. О Достоевском // Евангелие Достоевского: в 3 т. Тобольск, 2017. Т. 3: Свидетельства. Критика. Богословие. С. 507, 389.
5. Михайлов А. В. К новому Достоевскому// Наш современник. 1991. № 3. С. 178–179. ОР РГБ. Ф. 93/1. П. 5-в. Ед. хр. 1

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Илчева Радослава Велчева
доктор филологии, доцент
Институт литературы Болгарской
академии наук
Болгария, г. София
e-mail: rilcheva@abv.bg

Ilcheva Radoslava Velcheva
Associate Professor, PhD.
Institute for Literature, Bulgarian
Academy of Science
Bulgaria, Sofia
e-mail: rilcheva@abv.bg

Р.В. Илчева

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Аннотация: 800-летие со дня рождения св. Александра Невского стало поводом припомнить функционирование эпитета-атрибута «солнце земли Русской», ставшего словесным гербом князя в русской культуре. Обозначаются параметры присутствия благоверного князя в духовной жизни православной Болгарии – храмы в его честь, публикации в церковной периодической печати. В качестве примера рецепции русских житий святого анализируется малоизвестный текст – рассказ Й. Садовского «Святой Александр Невский».

Ключевые слова: св. А. Невский, эпитет-атрибут, Й. Садовски, исторический рассказ, житийная традиция, рецепция.

R.V. Ilcheva

THE SUN OF THE RUSSIAN LAND

Abstract: The 800th anniversary of St. Alexander Nevsky's birth is a reason to remember the functioning of the epithet-attribute «the sun of the Russian land», which has become a verbal banner of the prince in Russian culture. The following article examines the parameters of the devout prince's presence within the spiritual life of Eastern Orthodox Bulgaria such as temples in his name and publications in church periodicals. A lesser known text, the short story «Saint Alexander Nevsky» written by Y. Sadovsky, is examined as an example of the reception of Russian hagiographies.

Keywords: St. A. Nevsky, epithet-attribute, Y. Sadovsky, historical narrative, hagiographic tradition, reception

В русском языке есть особый вид устойчивых эпитетов, как правило литературного происхождения, которые сопряжены с конкретной исторической личностью или с определенным

культурологическим концептом. Они являются вербальной идентификацией обозначаемого лица или понятия и их применение к другому объекту, даже если таковое в принципе возможно, представляется недопустимым, а то и кощунственным. На берегах Невы расположено четыре города, но *Город на Неве* – это только Санкт-Петербург. Многие русские писатели по праву являются объектом национальной гордости, но *Наше всё* для русских – это только Пушкин. В русском мире много великого и могучего, но *великий и могучий* – это только русский язык. К таким эпитетам, которые мы в рабочем порядке назовем эпитетами-атрибутами, относится *солнце земли Русской* – словесный герб благоверного князя Александра Ярославича Невского.

Первый вариант эпитета-атрибута появился вскоре после смерти святого, в житии, написанном в XIII веке «самовидцем»-книжником из окружения Владимирского святителя и митрополита всея Руси Кирилла. Там митрополит горестно восклицает: «Чада моя, разумеите, яко уже заиде солнце земли Суздальской» [6, с. 439]. В Степенной книге (вторая половина XVI в.) вместо синекдохи «земля Суздальская» уже присутствует целое: «Уже заиде солнце земля Рускія» [9, с. 373].

В стилистику и идеологию Нового времени эта вербальная идентификация вошла благодаря церковной литературе. В любимом житийном сборнике многих поколений – Четьи-Миняех св. Димитрия Ростовского читаем: «Братия, знайте, что уже зашло солнце земли Русской» [3]. Популярности эпитета способствовал и авторитет эпохального для русского национального самосознания сочинения – «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, где он присутствует в несколько измененном виде: «солнце отечества закатилось!» [8, с. 85]¹.

Примеров закреплённости эпитета-атрибута за святым

---

¹ Рассказывая о кончине и посмертных чудесах св. А. Невского, Карамзин корректно ссылается на Степенную книгу: выписки из нее находим под номером 109 в Примечаниях к т. 4 «Истории Государства Российского» [8, с. 330-331]. Среди них, однако, нет интересующего нас эпитета-атрибута.

Александром Невским множество¹. Он стал особенно актуальным в этом, юбилейном году, который указом Президента РФ от 23 июня 2014 г. был объявлен годом св. А. Невского. Широкомасштабные мероприятия по чествованию 800-летия² благоверного князя стали поводом вновь обратиться к его личности и в очередной раз убедиться в емкости и точности его словесного герба.

Талантливый стратег и дипломат, отважный полководец, А. Невский не просто один из князей, громивших врагов земли Русской: средневековые летописи полны описаниями победных сражений. Праправнук Владимира Мономаха – последнего правителя единой и сильной Древней Руси, и прапрадед Дмитрия Донского – победителя в Куликовской битве, он сумел в грозную годину сохранить относительную независимость русского Северо-запада и тем самым стать связующим звеном российской государственности. Это безошибочно почувствовал Петр Первый, который призвал его в небесные покровители новой столицы, своего *парадиза*– Санкт-Петербурга.

Святой А. Невский не просто один из христолюбивых древнерусских князей: княжеская святость отнюдь не была редким явлением. Она породила такую специфическую разновидность древнерусской агиографии как княжеские жития, герои которых защищали православную веру и мечом, и крестом. Но благоверный князь столкнулся с коварным, изощренным врагом, который, прикрываясь именем Христовым, проводил последовательную

¹Краткий некролог о смерти А.С. Пушкина в литературном приложении к правительственной газете «Русский инвалид» вызвал возмущение как светской, так и духовной цензуры. Причина в его начале: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался...». Председатель цензурного комитета князь М.А.Дондуков-Корсаков возмущался: «Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?» [12]. Духовная цензура негодовала по поводу аллюзии на житийный текст: только кончину св. А. Невского можно было сравнивать с закатившимся солнцем. Это как раз тот случай, когда применение эпитета-атрибута к другому человеку было воспринято как святотатство. Постепенно, однако, выражение «солнце русской поэзии» устоялось и все чаще используется как вербальная идентификация Пушкина.

²Долгое время, с подачи историка XVIII столетия В.Н Татищева, годом рождения св. А. Невского считался 1220 г. Но в 1986 г. В.А. Кучкин убедительно доказал, что князь родился в 1221 г., предположительно 13 мая.

религиозную экспансию и ассимиляцию завоеванных народов. Поэтому победы над шведами на Неве в 1240 г. и над рыцарями Тевтонского ордена на Чудском озере получили такой резонанс в русской культуре – средневековой и современной.

Память о святом князе-воине в XX веке стала духовной скрепой для расколотого Гражданской войной русского мира. Для белоэмигрантов он был воплощением в одной личности нескольких идеалов: князя, гражданина, воина, христианина; «рыцарем в идеальнейшем значении этого слова» [4, с. 8]¹. К своим потомкам в Советском Союзе А. Невский пришел из глубин веков посредством одноименного фильма С. Эйзенштейна в 1938 г. – накануне тяжелейших испытаний самой кровопролитной в истории человечества войны. Князь вернулся с ясным посланием: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива! Пусть без страха жалуют к нам в гости, но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет! На том стоит и стоять будет Русская Земля!». А в 1942 г., ровно 700 лет после победы над немецкими рыцарями-тевтонцами, была восстановлена одна из высших наград Российской империи – орден Александра Невского². Он предназначался для награждения командного состава Красной Армии за выдающиеся заслуги в организации и руководстве боевыми операциями, что вновь поставило благоверного князя в первые ряды легендарных защитников Отечества – наряду с Суворовым и Кутузовым, чьи ордена были учреждены тем же указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 г.

Св. А. Невский присутствует не только в официальной сфере³. Он дорог и близок русским людям. Вряд ли случайно великий

¹Романтизм во многом обелил образ средневекового рыцаря, что привело не только к переплетению концептов защитника русской земли и рыцаря «без страха и упрека», но и к эпатажной идее корниловца А. Дисского: создание в русской Армии в изгнании *рыцарского* ордена имени св. Александра Невского.

²Орден Александра Невского – уникальное явление в русской фалеристике. Он единственный из всех орденов существовал (с небольшими изменениями) и в Российской империи, и в СССР, и в Российской Федерации.

³Сегодня св. Александр Невский – небесный покровитель Санкт-Петербурга и Петрозаводска, дипломатической службы России, Сухопутных войск и морской пехоты Военно-морского флота России.

русский поэт А.С. Пушкин выводил свою родословную от его соратника¹. Вряд ли случайно в 2008 г. в результате телевизионного опроса святой князь-воин был выбран «именем России». Вряд ли случайно совсем недавно он со своими витязями вернулся в бронзе на место знаменитого Ледового побоища: 11 сентября с.г. состоялось торжественное открытие возведенного по инициативе митрополита Псковского и Порховского Тихона (Шевкунова) и по поручению Президента РФ мемориального комплекса «Князь Александр Невский с дружиной» (архитекторы К. Фомин и Д. Смирнов) на берегу Чудского озера в Псковской области. В церемонии приняли участие Президент В.В. Путин и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. И если в 1942 г. автор эскиза ордена Александра Невского И. Телятников дал князю профиль актера Николая Черкасова – исполнителя главной роли в фильме «Александр Невский», то скульптор В. Шанов, сохраняя связь времен, наделил воинов князя внешностью псковских десантников, погибших в борьбе с террористами в 2000 г.²

Святой благоверный князь Александр Невский важен не только для России, но и для православной Болгарии.

Его имя, как и имена многих других русских святых, было известно духовенству и светской интеллигенции еще до Освобождения от турецкого ига главным образом благодаря вышеупомянутым Четьи-Минеям св. Димитрия Ростовского, которые распространялись у нас как в подлиннике, так и в переводах [16, с. 241-242]. Но все же массовый общественный интерес к Александру Невскому – святому и правителю, является следствием Русско-турецкой освободительной войны 1877-1878 гг.: «народная любовь к этому праведнику расширилась от любви и благодарности к носившему его имя Царю-Освободителю» [18, с. 11], а его «легендарное и лучезарное имя стало сохраняться в Национальном институте недвижимого культурного наследия в Софии [1].

В том же 1884 г. был освящен придел св. Александра Невского старейшего храма в г. Русе – кафедрального собора святой Троицы.

¹Ср. «Мой предок Рача мышцей бранной/ Святому Невскому служил;» [11, с. 197].

² Мемориал можно увидеть по ссылке

https://www.youtube.com/watch?v=G_VFZtqWmzo

Он действовал до 1979 года. С 1983 г. в нем располагается музейная экспозиция церковной утвари, икон и старопечатных книг.

Несомненно, самым известным в Болгарии храмом в честь святого благоверного князя является Патриарший кафедральный храм-памятник св. Александра Невского в Софии, воздвигнутый по предложению Петко Каравелова (1843-1903) – одного из первых министров-председателей нашего государства, в знак благодарности России за свободу. Закладка крупнейшего на Балканах собора состоялась в торжественной атмосфере 19 февраля/ 3 марта 1882 г., в четвертую годовщину Освобождения от турецкого ига. Он знаменем нашей дорогой свободы» [5].

О популярности благоверного князя на исходе XIX столетия можно судить по иконам и настенной живописи в болгарских храмах, относящимся к тому времени. По данным И. Чековой [15, с. 298] таких изображений семь. Их писали известные иконописцы Никола Образописов, Милош Яковлев, Марко Минов, предположительно братья Доспевские. Особый интерес вызывает небольшая икона св. Александра Невского в монастыре им. Св. Ивана Рильского Чудотворца в селе Герман недалеко от Софии, о которой впервые писала И. Чекова. Она находится под большой иконой Спасителя в иконостасе и вплетена в резьбу по дереву [15, с. 299]. Изображения святого князя присутствуют и во многих болгарских храмах, построенных в XX веке [17].

Благодарность болгарского народа благоверному князю Александру Невскому – небесному покровителю императора Александра II и русских воинов-освободителей, нашла выражение и в строительстве четырех храмов в его честь на территории страны. У каждого из них – особое по посланию, специфическое по эмоциональности, неотъемлемое место в духовном пространстве современной Болгарии.

В хронологическом порядке первой была церковь во имя св. Александра Невского в Бакаджикском Спасском монастыре вблизи г. Ямбол, возведенная по инициативе знаменитого генерала М. Д. Скобелева (1843-1882). Церковь была заложена 12 мая 1879 г., всего месяц с небольшим после чудесного спасения Александра II во время теракта от 2 апреля того же года. Это событие и

предопределило выбор названия будущего храма. Он строился на народные пожертвования силами 30-ой пехотной дивизии. Среди жертвователей были мать и сестра Скобелева, а сам генерал подарил храму евангелие и выгравированный крест. Болгарское население региона по причине своей бедности помогало преимущественно добровольным трудом. Иконостас был изготовлен русскими монахами, а хоругви и иконы были доставлены из Киево-Печерской лавры.

Храм был торжественно открыт в 1884 г. Сам монастырь находился в подчинении Русской православной церкви за границей. В 1934 г. вместе с остальными русскими храмами в Болгарии был передан советским государством в юрисдикцию Болгарской православной церкви. В настоящее время он не действует, а его важнейшие реликвии строился в 1904-1912 гг. по проекту А. Н. Померанцева, а расписывали его такие известные русские и болгарские художники как В. М. Васнецов, П. Е. Мясоедов, Н. А. Бруни, Х. Тачев, А. Митов, И. Мырkvичка.

Храм был освящен в 1924 году наместником-председателем Св. Синода¹ м. Пловдивским Максимом в сослужении всех болгарских митрополитов и некоторых русских священнослужителей, покинувших Россию после революции². В день перенесения мощей св. Александра Невского из г. Владимир в Санкт-Петербург – 12 сентября по юлианскому календарю, был освящен главный алтарь храма, а в последующие два дня – приделы в честь святых Кирилла и Мефодия и святого царя Бориса – крестителя болгар.

Информацию о соборе можно почерпнуть из разных источников. Можно зайти и на его официальный сайт <https://www.cathedral.bg/> Поэтому упомянем только одно из знаменательных событий в новейшей истории храма. Это передача

¹В то время – высшая должность в БПЦ.

²Из всех болгарских митрополитов отсутствовал по болезни только один. В сослужении участвовали Кишиневский и Хотинский архиепископ Анастасий (Грибановский), Царицынский епископ Дамиан (Говоров), протопресвитер военного и морского духовенства Добровольческой армии Г. Шавельский, бывший в 1902-1911 гг. настоятелем храма св. Александра Невского при Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге, протоиерей Флоровский, священники Русской посольской церкви.

святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II святейшему Патриарху Болгарскому и Митрополиту Софийскому Максиму в 1998 г. бесценного дара – частицу мощей св. Александра Невского.

Особый интерес вызывает четвертый храм – второй на сегодняшний день действующий храм в честь святого князя-воина на территории Болгарии. С одной стороны, он, как нельзя лучше, демонстрирует отношение болгарского народа к личности и подвигам св. А. Невского – вне сиюминутности конъюнктуры. С другой, показывает то место, которое занимает благоверный князь в духовном пространстве нашей страны.

Церковь находится в селе Житница (община Добричская, область Добрич), в котором постоянно проживает около 500 человек преимущественно среднего и пожилого возраста. Непосредственно после Освобождения Болгарии в Житнице, которая тогда называлась Малък Базаурт, была построена церковь. Строение было непрочным и с годами стало рушиться. Решение о возведении нового здания было единодушно принято на сельском сходе 12 июня 2001 года. В течение следующих лет благодаря усилиям местного земледельческого кооператива и кметства (сельского совета) были оформлены необходимые документы и было получено разрешение на строительство со стороны Варненской и Великопреславской митрополии и Добричской общины.

24 октября 2010 года закладной камень будущего храма освятил м. Варненский и Великопреславский Кирилл (1954–2013). Возведение церкви было вверено архитектору Асену Коеву, инженеру-конструктору Звезделине Петровой и инженеру-исполнителю Василу Маринову. Храм строился с финансовой помощью земледельческого кооператива, на средства от церковных угодий и на пожертвования местных жителей, собравших немалую сумму в 20 тысяч левов (в то время приблизительно 15 тысяч долларов). Храм был завершен в рекордные сроки в конце августа 2012 года. Полное (великое) освящение вновь построенного храма было совершено при большом стечении народа м. Кириллом 1 сентября 2012 г. Иконостас был расписан иконописцем Пламеном Минчевым, а стены – художником и учителем Христо Константиновым.

Почему храм был назван в честь св. Александра Невского? Кровавые сражения Русско-турецкой освободительной войны обошли Житницу стороной. В селе не были расквартированы части армии-освободительницы – иначе о них бы сохранились предания. Там не проживали, даже на короткое время, и белоэмигранты. К тому же покровительницей села очевидно считалась очень популярная на Балканах святая Параскева-Пятница Эпиватская (света Петка): долгие годы праздник села с традиционными народными гуляньями проводился 14 октября, в день ее памяти по новоюлианскому календарю. Возможно, поэтому некоторые жители села считали, что церковь названа в честь этой святой. Но найденные членом церковного настоятельства Василием Минчевым церковные книги, печати и метрические свидетельства, убедительно доказали, что храм изначально был назван в честь св. Александра Невского. По мнению старожилов это выражение народной благодарности России за Освобождение¹.

Святой благоверный князь Александр Невский присутствует в духовном пространстве православной Болгарии не только посредством возведенных в его честь храмов. О нем можно прочитать на болгарских православных сайтах (pravoslaviето.com, pravmladeji.org, dveri.bg) и в официальном органе Болгарской православной церкви – «Църковен вестник» («Церковная газета»). В количественном отношении больше публикаций в этом издании приходится на 90-ые годы прошлого столетия и это вовсе не случайно. Это время характеризуется как попытками со стороны разных сект вторжения на территорию духа, так и повышенным общественным пессимизмом. Среди материалов, написанных в разное время как болгарскими патриархами и митрополитами, так и рядовыми священниками, мирянами, учеными, можно найти и незамысловатые рассказы о земной жизни князя, и произведения ораторского искусства, и литературные тексты высокой пробы. Благодаря им эпитет-атрибут «солнце земли Русской» дошел и до болгарских читателей – он, например, присутствует в заглавии статьи

---

¹ Выражаем глубокую благодарность члену местного церковного настоятельства господину Василу Минчеву и кмету (старосте) села Житница господину Йордану Божанову за предоставленные сведения о храме св. А. Невского.

Л. Радевой, которая кратко, но в то же время основательно передает житие благоверного князя [13]. Общими стараниями всех этих авторов образ святого стал ближе, роднее болгарам разных поколений. Они стали видеть в нем не только покровителя Царя-Освободителя и русского народа, но и собственного защитника, помощника в трудные времена.

Об одном таком материале нам хочется рассказать отдельно. Это рассказ священника Йордана Садовского «Святой Александр Невский». Он не только демонстрирует особенности болгарской рецепции двух самых популярных житий святого – анонимного жития XIII в. и жития из Четьи-Миней св. Димитрия Ростовского. Это самый высокохудожественный и оригинальный из всех современных текстов, посвященных князю-воину, которые попадались автору настоящей статьи.

Рассказ состоит из двух частей, опубликованных в двух последовательных номерах (42 и 43) газеты «Църковен вестник» за 1960 год.

Первая часть начинается со свадьбы молодого Александра и Александры, дочери Брячеслава¹ Полоцкого. В описании автора князь – «высокий златокудрый юноша, одетый в голубую тунику, стройный, красивый и величественный»². У него зычный, приятный голос и, по всеобщему мнению, он похож на ангела, сошедшего с небес. Ему под стать юная супруга, напоминающая нежный цветок с придунайских вольных степей. Рядом, плечом к плечу стоят богатые купцы и бедные гончары, надменные бояре и простые крестьяне: все они приглашены на брачный пир, поскольку князь возвещает: «Мой народ – это моя семья» [14, № 42, с. 8]. Намеченная в начале тема единения князя и народа будет развиваться и обогащаться на протяжении всего рассказа.

Светлый праздничный день закончился. «Темная ночь

¹ Правильное написание имени полоцкого князя в русской традиции – Брячислав.

² Перевод отрывков из рассказа Й. Садовского с болгарского на русский язык – мой (Р.И.)

спустилась над городом. Небо обволоклось зловещим мраком»¹. Все спят, один лишь князь бодрствует. Ему не дает уснуть беспокойство о народной судьбе, вызванное нашествием монголо-татар и жестокостью их предводителя Бату-хана². Перед глазами Александра проносятся картины возможной печальной участи жителей Новгорода, он слезно молится Богу. Атмосфера становится все тревожнее: «Лучины отбрасывают зловещие тени на стены, будто демоны пляшут вокруг в иудинном хороводе». Беда не заставляет ждать: гонец передает князю письмо от его отца Ярослава Всеволодовича. Тот пишет, что многотысячная армия Батыя приближается стремительно к Новгороду. Сам он не может помочь сыну, потому что осажден рыцарями шведского короля и должен отражать их атаки. Шведского короля натравил на русские земли сам папа Римский, который считает православных еретиками и хочет обратить их силой в католицизм. Но даже в этой, казалось бы, безвыходной ситуации Александр не предается отчаянию. «Ночной прохладный ветер прошелестел в ветвях деревьев и коснулся тихой лаской его зардевшихся от бессонницы и тревожных вестей ланит. Эта ласка, мнится, успокоила его. В душу хлынуло теплое и светлое чувство» – уверенность, что Бог не оставит в беде его и его народ [14, № 42, с. 9].

Князь созывает совет бояр. Бояре выдвигают разные предложения: от жертвенной и обреченной заведомо на неуспех обороны до сдачи врагу. Александр в противовес отчаявшимся напоминает о Боге «Имейте веру в Него и Он нас спасет» [14, № 42, с. 10]. Он предлагает свой вариант –переговоры, богатые подарки Батыю, чтобы выиграть время, и сам вызывается поехать во вражий стан. Князь возвращается от татар с миром: «Бог услышал мольбу раба своего, святого князя, и совершил великое чудо: многочисленные и жестокие татарские орды отхлынули внезапно и без боя от Новгорода. Безжалостная и кровавая десница хана Батыя

¹ Это противопоставление в интерпретации Садовского является во многом иллюстрацией параметров общеязыкового семантического поля «время суток», обозначенного И. Георгиевой [2].

²В тексте встречается как принятое в болгарской историографии имя завоевателя – Бату-хан, так и употребляемое в русской традиции Батый.

была остановлена по Божией милости и поднятый смертоносный татарский меч отведен от обреченных и беспомощных людей» [14, № 42, с. 10].

В центре второй части – знаменитая битва со шведами на Неве в 1240 г. В тронном зале княжеского дворца в канун праздника равноапостольного св. Владимира бояре гневно обсуждают нападение шведов и дерзкое письмо их полководца Биргера Александру: «Защищайся, если можешь! Я на твоей земле!» Князь внимательно выслушивает разные мнения, после чего напоминает библейский сюжет о Давиде и Голиафе. «Господь накажет так и всех, кто хочет силою меча грабить и убивать невинных людей. Он будет судить по правде и накажет надменных шведов». Александр призывает всех пойти в храм с молитвой и наутро выступить в поход. Он верит, что святой равноапостольный Владимир поможет новгородцам [14, № 43, с. 8] и горячо молится в Софийском соборе. «Я буду бороться не за чужие земли, за добычу, за корысть... Я буду бороться против тех, кто готовится убивать невинных людей. Ты, Господи, суди по правде!». Вместе с князем в ту ночь молится весь Новгород [14, № 43, с. 9].

Следующий эпизод передает видение стоящего в дозоре десятника из княжеских воинов. На рассвете он замечает ладью с двумя гребцами, в которых узнает изображенных на иконах Софийского собора в Новгороде святых братьев Бориса и Глеба. До него доносятся слова Бориса: «Брат Глеб, нажимай смелее на весла, чтобы поспешить на помощь нашему сроднику Александру! ... Он сейчас нуждается в нас!». Когда ладья растаяла в бесконечности, десятник отправляется к князю и рассказывает ему об увиденном и услышанном. Сам Александр в ночь перед битвой не смыкает глаз. Он думает о неизбежности битвы, о крови – русской и чужой, которая прольется; о том, что ничем нельзя предотвратить это кровавое безумие; о том, что он должен воевать во имя Божией правды и свободы. Князь обращается к полкам со смелой и решительной речью, в которую вплетены его эмблематические слова из житий «Не в силе Бог, а в правде»¹ [14, № 43, с. 9].

Настает день битвы. «Шведские рыцарские ряды стальной

---

¹ «Бог не е с многого, а с правдата»

волной перешли широкую буйную реку и залили ближний берег. Солнце заискрилось на их шлемах и в испуге отпрянуло. Земля сотряслась под копытами скачущих крупных коней, закованных в крепкую миланскую сталь» [14, № 43, с. 9]. Русские предпринимают ложный маневр, имитируя беспорядочное бегство. Забыв об осторожности, шведы пускаются им вослед. Внезапно воины князя поворачивают вспять и начинают громить шведов. В самой гуще сражения Александр. «С развевающимися на ветру мягкими кудрями, красивый и стройный как ангел-мститель, в плаще и с мечом в руке, он не уступал никому первое место и смело атаковал рыцарей в тяжелой броне». Нева потекла красной от крови и с того летнего дня стала символом русской боевой славы. Благородный и отважный князь молится Богу за поверженных врагов: «Прости им грехи, ибо они не ведали, что творят» [14, № 43, с. 10].

В финале Александр торжественно вступает в Новгород. Как и после успешной миссии у татар, его встречают жители города во главе с архиепископом Спиридоном. И хотя эпитет-атрибут «солнце земли Русской» формально отсутствует, автор самим текстом внушает его: хоругви, иконы и кресты блестят на солнце; набожные песни и торжественные гимны носятся в чистом, как горный хрусталь, воздухе и вещают мир и радость над свободной русской землей. «Поднявшееся высоко солнце сыплет искры на победоносное оружие князя и его ратников». Сотворив крестное знамение, Александр провозглашает победу словами из Великого славословия: «Слава в Вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Народ вторит ему радостными криками: победа! [14, № 43, с. 10]. На этой мажорной ноте заканчивается рассказ.

Садовский дал своему произведению жанровое определение «исторический рассказ». В нем выведены реальные исторические личности: Александр, его супруга Александра, не названный в тексте по имени воин в дозоре Пелугий (Пелгусий), новгородский архиепископ Спиридон (ум. 1249), который ревностно помогал князю в борьбе с врагами Новгородской земли и который встречал его у Софийского собора после Невской победы. Текст снабжен историческими справками, из которых болгарские читатели узнавали о самом Новгороде, половцах, Золотой Орде, Чингисхане, Бату-хане

[14, № 42, с. 10-11]

Автор ответственно и вместе с тем творчески подошел к интерпретации исторических фактов, удачно переплавляя материал из разных источников в единое художественное целое. Среди них с наибольшей точностью можно указать на житийную литературу и, в первую очередь, на Житие святого благоверного князя Александра Невского, написанное св. Димитрием Ростовским. Возможно, Садовский был знаком и с текстом жития XIII в. Угроза Биргера Александру повторяет в сжатом виде житийные тексты¹. То же самое можно сказать и о видении Пелугия². Но опираясь на житийную традицию, автор не копирует ее. В обоих житиях, например, весьма лаконично рассказывается о Невской битве, причем акцент падает на небесную помощь (после сражения на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александра, нашли несметное множество врагов, убитых ангелом Господним) и на рану, нанесенную князем в лицо предводителю шведов. У Садовского нет этих мотивов, но зато сама битва описана подробно.

Можно предположить, что автору был знаком фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский», рассказывающий о битве на Чудском озере в 1242 г. Вероятно, оттуда в текст пришли идея, что, защищая свои земли, князь не покушается на чужие, и зримость изображения сражения. Можно, также провести параллель между описанием внешности князя Садовским и мозаичной иконой над западным входом в храм-памятник св. Александра Невского в Софии, выполненной по проекту проф. А. Митова.

Местами автор смело раздвигает рамки исторического полотна. В ночь после свадьбы юный князь получает письмо о приближении татар к городу и сам выезжает во вражий стан. Его горячие молитвы

¹ У Садовского: «Защитавай се, ако можеш! Аз съм на твоя земя!» [14, № 43, с. 8]. В Житии XIII в.: «Аще може шипротивитися мнѣ, то се есмь уже зде, плѣняя землю твою» [6, с. 428]. У св. Димитрия Ростовского: «Я уже в твоей земле, опустошаю ее и хочу взять в плен и тебя. Если можешь мне сопротивляться – сопротивляйся» [3].

² У Садовского: «Братко Глеб, натискай по-смело веслата, да побързаме на помощ на нашия сродник Александръ... Той има нужда сега от нас» [14, № 43, с. 9]. В Житии XIII в. «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемь сроднику своему князю Александру» [6, с. 430]. У св. Димитрия Ростовского: «Брат Глеб, прикажи грести быстрее, поспешим на помощь сроднику нашему Александру Ярославичу» [3].

и успешная тактика в отношении татар спасают город. Александр женился в 1239 г., а чудесное спасение Новгорода от татар имело место двумя годами ранее – в 1237 г., и никак не было связано с действиями этого князя¹. Но как раз это смещение исторических пластов позволяет автору с одной стороны показать жертвенность и смелость Александра, а с другой коснуться темы дипломатии князя в отношениях с Ордой, которой он известен не менее, чем победами над шведами и немцами.

Садовский не был профессиональным историком, что привело к некоторым анахронизмам: «статные усатые гвардейцы»² [14, № 42, с. 8], туника, в которую одет юный князь, «граф Черкасский, начальник дворцовой канцелярии»³ [14, № 42, с. 9]. Тесть Александра Брючислав – князь Полоцкий, по названию древнейшего города Белоруссии Полоцка, а не князь половцев. Единение Александра и Новгорода располагается в сфере желаемого, а не действительного: финансово независимые новгородцы не жаловали особо своих князей и св. Александр Невский не был исключением. Но все эти неточности компенсируются сполна оригинальностью рассказа в рамках заданного сюжета и изяществом поэтических описаний: «Великият Новгород потръпна в сънна омая...» [14, № 42, с. 8]; «Голямата река буйно влачеше водите си към морето и блъскаше с гривата си в стръмния, обрасъл с гъсти храсти бряг» [14, № 43, с. 9]; «Далече към

---

¹ Мотив божественного спасения Новгорода от татарского нашествия присутствует во многих средневековых русских летописях: «Новъ же городъ заступи богъ, и святая и великаа съборнаа и апостольская церковь Софиа, и святыи преподобный Кириль, и святыихъ правовѣрныхъ ахриепископъ молитва, и благовѣрныхъ князей, и преподобныхъ чръноризецъиерейскаго собора» [10, с. 168]. «И тамо дойти поганымъ възбрани, некая сила Божественная» [9, 357]. «Но, замечает современник этих страшных событий, молитвами новгородских святителей, князей и преподобныхъ Господь защитил Великий Новгород и новгородского князя: не дойдя 100 верст до Новгорода, татары поворотили на юг, пошли разрушать мать русских городов – стольный град Киев» [3]. В XIX в. у Карамзина появится рационалистическая версия происшедшего: в 100 верстах от богатого Новгорода Батый повернул обратно, «испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края» [7, с. 280].

² Учреждение гвардии в России связывается с Петром I.

³ Графы появились в России в Петровскую эпоху, тогда вошло в обиход и слово «канцелярия». Черкасские – старинный княжеский, а не графский род.

горизонта, където кървавите зари на изгряващото слънце целуваха сребрилата водна лента и я багреха с пурпур, изплува лодка» [14, № 43, с. 9]¹ и многие другие.

К сожалению, нам не удалось узнать ничего об авторе этого замечательного текста – священнике Йордане Садовском. Судя по рассказу и по путевым заметкам о поездках по стране, опубликованным в той же газете «Църковен вестник», он – интеллигентный, эмоциональный, литературно одаренный человек, у которого многие писатели могли бы поучиться трепетному отношению к красоте Слова. А его исторический рассказ является не только интересным фактом рецепции русской житийной традиции в Болгарии, но и доказательством разностороннего присутствия в жизни православных болгар святого благоверного князя Александра Невского – «солнца земли Русской».

Библиографический список

1. Баев, Х. Ямболски манастир прототип на храма «Св. Александър Невски». [Электронный ресурс]. URL: https://dveri.bg/component/com_content/Itemid,100658/catid,120/id,4169/view,article/ (Дата обращения: 09.07.2021).
2. Георгиева И. Формиране на общоезиковото семантично поле «време на денонощието» в българския и руския език. // Езиков свят, Т.4, 2007, с.7-13.
3. Димитрий Ростовский (Туптало). Житие святого благоверного князя Александра Невского. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/719#note5321_return (Дата обращения: 13.08. 2021).
4. Дисский, А. Утопическая задача и ее осуществление. // Корниловец 1922, февраль, № 2, с. 6-10.
5. Дометиан, митрополит Видински. Празник на благодарна памет и народно единство. Св. благоверен княз Александър Невски. // Църковен вестник, 10 декември 1990, Бр. 44, с. 1.
6. Житие Александра Невского («Повесть о житии и о храбрости

---

¹ «Великий Новгород содрогнулся в сонном дурмане». «Большая река буйно волокла воды свои к морю и ударялась гривою о крутой, обросший густыми кустами берег». «Далеко, почти у горизонта, где кровавые зари восходящего солнца лобызали серебристую ленту воды и обагряли ее пурпуром, выплыла ладья».

- благоверного и великого князя Александра»)). // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.
7. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. III, Санкт Петербург. В Военной типографии Главного Штаба 1816 года.
8. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. IV, Санкт Петербург. В Медицинской типографии 1817 года.
9. Книга степенная царского родословия, содержащая историю Российскую с начала оныя до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария. Часть I. Москва, При Императорском Университете, 1775. Т. 1.
10. Летописные повести о монголо-татарском нашествии. // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Издание четвертое. Ленинград, 1977-1979. Т. III. Стихотворения 1827-1836. Ленинград, 1977.
12. «Пушкинская эпоха» русской культуры. [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/164489/kulturologiya/pushkinskaya_epoha_russkoy_kultury (Дата обращения: 02.10. 2021).
13. Радева, Л. Слънцето на руската земя. Св. благоверен княз Александър Невски // Църковен вестник, 22-28 ноември 1993, Бр. 47, с. 6.
14. Садовски, Й. Свети Александър Невски (исторически разказ) // Църковен вестник, 10 декември 1960, Бр. 42, с. 8-11; 17 декември 1960, Бр. 43, с. 8-10.
15. Чекова И. Изображения на източнославянски светци в българските храмове през Средновековието и Възраждането. // Старобългарска литература, кн. 48, 2013, с. 286-310.
16. Чекова И. Източнославянски светци в българската литература. В: Трети международен конгрес по българистика 23-26 май 2013 г., София. Кръгла маса «Кирилometодиевистика». С., 2014, с. 220-249.
17. Чекова 2021. Святой Александр Невский в болгарской христианской живописи. В: Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. М.: Индрик, 2021. (в печати)
18. Шавельский Г. Священной памяти благоверного великого князя Александра Невского. // Църковен вестник, 12 септември 1924, Бр. 31 и 32, С. 11-13.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Робский Владимир Владимирович
преподаватель кафедры педагогики и
психологии
Кубанский государственный
университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: vladimir-robskij@yandex.ru

Robskij Vladimir Vladimirovich
teacher of pedagogy and psychology
Department
Kuban State University
Russia, Krasnodar
e-mail: vladimir-robskij@yandex.ru

В.В.Робский

О некоторых приемах мотивации обучающихся к изучению пунктуации

Аннотация. В статье описываются методические приемы, повышающие мотивацию обучающихся на уроках русского языка к изучению пунктуационных правил.

Ключевые слова: мотивация, пунктуация, принципы русской пунктуации, выразительность письменной речи.

V.V. Robskij

About some techniques motivating school students to learn punctuation

Abstract. The article describes the methodological techniques that increase the motivation of students in Russian language lessons to learn punctuation rules.

Keywords: motivation, punctuation, principles of Russian punctuation, expressiveness of written speech.

В основе успешного изучения любого учебного материала лежит мотивация обучающихся: если ученики понимают, ЗАЧЕМ им нужно освоить данный материал, то он осваивается намного легче и запоминается надолго.

Например, при изучении русского языка недостаточно

повторять детям, что «нужно грамотно писать, потому что безграмотного человека никто не поймет», «неграмотно – это некрасиво» и т.д. – все эти увещевания эффекта не дают, потому что школьники, общаясь сегодня в социальных сетях и в мессенджерах, не сильно утруждают себя соблюдением орфографических и пунктуационных правил, и, представьте себе, не испытывают никакого дискомфорта. Более того, соблюдение этих правил сильно снижает скорость «СМСочного» общения, что делает иногда их применение даже не желательным. Поэтому перед учителем русского языка и литературы с особой остротой выявляется проблема низкой мотивации обучающихся к изучению правил написания текста, в частности, правил пунктуационных.

Напомню, что мотивация – это внутренний психический механизм, побуждающий человека к какой-либо деятельности. В психологии мотив определяется как «опредмеченная потребность» (т.е. потребность, нашедшая себя в предмете). Схематически это можно представить следующим образом:

Возникшая у субъекта потребность толкает его к поиску способов ее удовлетворения. Если таких способов не найдено, то никакой деятельности не совершается. Но если человек нашел (или ему показали) предмет (материальный или нематериальный), с

помощью которого он может свою потребность удовлетворить, то его желания и силы направляются на овладение этим предметом, возникает мотив, который инициирует деятельность.

Каковы потребности, каковы интересы ребят-подростков? Они разнообразны, но есть среди них возрастающий интерес к внутреннему миру как своему, так и других людей, стремление разобраться в мотивах человеческих поступков, желание быть правильно понятым другими людьми: «Счастье – это когда тебя понимают». Способность разбираться в людях вообще высоко ценится в любом возрасте. Для удовлетворения потребности в овладении психологической грамотностью человек должен освоить определенные инструменты, с помощью которых он станет внимательнее, мудрее, психологически устойчивее и т.д. В качестве одного из таких инструментов учитель русского языка может предложить ребятам систему пунктуации, с помощью которой мы можем «читать» не только содержание мыслей, но и чувства других людей, а также тонко выразить свои душевные движения и состояния. Вот вам первый мотив – интерес к внутреннему миру других людей, к психологии. Вторым мотивом является стремление к точности и выразительности речи, экономии речевых средств: с помощью одного знака препинания я могу быстро передать то, что нужно описывать многими словами. В основу мотивации к изучению пунктуации следует положить психологию пишущего и читающего человека (психологическая пунктуация? пунктуационная психология?), если говорить проще, нам следует раскрыть психологический смысл пунктуационного знака.

Давайте посмотрим, как это может выглядеть на практике проведения урока. Напомним, что речь идет об изучении пунктуации в 7-8 классе, когда мы имеем дело с подростками, имеющими кратко описанные выше психологические особенности и складывающееся абстрактно-логическое мышление.

Сначала мы объясняем ребятам принципы русской пунктуации. Для наглядности в тексте будут размещаться слайды презентации, которая демонстрируется во время занятий.

Во-первых, обучающимся необходимо донести мысль о том, что процесс письменного общения, можно рассматривать как процесс

кодирования и декодирования текста (от пишущего – направленность от смысла к знакам; для читающего – направленность через знаки к смыслу). Если этот код понимают одинаково и пишущий, и читающий, то общение будет продуктивным – они поймут друг друга. Но для такого взаимного понимания необходимы общие для всех правила, которые устанавливают смыслы употребляемых знаков, т.е. знаки должны закономерно и устойчиво обнаруживать одинаковые качества в одинаковых позициях. Очень важно понять, что знак пунктуации, как и знак буквы, имеет определенный смысл, понимание которого сильно расширяет возможности людей точно и красиво общаться друг с другом.

Во-вторых, нужно понимать, что мы можем выделить ряд опознавательных признаков применения пунктуационных правил, а именно:

- морфологические – наличие причастий, деепричастий, междометий, союзов, отдельных частиц;
- синтаксические – наличие двух и более грамматических основ, обращений, вводных слов, обособленных членов предложения, однородных членов, чужой речи;
- смысловые – выражение причины и др.;
- интонационные – произношение со звательной и другими видами интонаций.

Исходя из вышесказанного выделяются три принципа русской пунктуации:

- 1) структурный,
- 2) смысловой,
- 3) интонационный.

И дальше мы начинаем объяснять и иллюстрировать эти принципы.

Так, структурный принцип является основным. Он очень жестко устанавливает зависимость знаков препинания от структуры текста (т.е. порядка и соотношения его элементов), например, постановка запятой между однородными членами предложения. В соответствии со структурным принципом пунктуационные знаки ставятся только на основе правил и не могут быть факультативными, авторскими.

Мы предлагаем учащимся расставить знаки препинания и объяснить их постановку, основываясь только на этом принципе:

*Шли часы часами
Стрелками усами
Время отмеряли
А потом вдруг стали
Видимо устали
Механизм из стали
Тоже устает*

После обсуждения все приходят к единому (!) мнению, других вариантов пунктуационного оформления этого текста на основании структурного принципа быть не может.

Объясните постановку знаков препинания

Шли часы часами,
Стрелками усами
Время отмеряли,
А потом вдруг стали,
Видимо, устали:
Механизм из стали
Тоже устает.

Точка в конце предложения

Запятые при однородных сказуемых

Запятые выделяют вводное слово

Двоеточие в сложном предложении. Пояснительные отношения.

*Шли часы часами,¹
Стрелкам и усами
Время отмеряли,¹
А потом вдруг стали,^{1,2}
Видимо,² устали:³
Механизм из стали
Тоже*

устает.⁴

Комментируем наши действия.

Запятые, обозначенные цифрой 1, мы поставили, потому что они разделяют однородные члены предложения (сказуемые).

Запятыми, обозначенными цифрой 2, мы выделили вводное слово видимо.

Цифрой 3 обозначаем двоеточие, которое указывает на границу сложного предложения (2 грамматические основы: 1) часы шли, отмеряли, стали, устали; 2) механизм устает) и выражает пояснительные отношения, потому что второе предложение поясняет

причину того действия, которое описано в первом.

Цифрой 4 обозначена точка в конце повествовательного предложения.

Итак, пишущий (автор) и читающий понимают друг друга, потому что пользуются одним кодом: они одинаково понимают значение знаков. А структурный принцип русской пунктуации очень четко и однозначно регламентирует применение этого кода.

Еще раз с учащимися проверим, как действует этот принцип.

*Время вдруг застыло,*¹

*Жалобно заныло:*²

«³Почему не стали

Вы меня часами

Измерять часами?»⁴

Если не считают,⁵

То меня и нет»^{3,6}

1) Запятая разделяет однородные члены предложения (застыло, заныло).

2) Двоеточие после слов автора перед прямой речью.

3) Кавычки оформляют прямую речь.

4) Вопросительный знак оформляет конец вопросительного предложения.

5) Запятая разделяет части сложноподчинённого предложения.

6) Точка оформляет конец предложения.

Сила структурного принципа – в его однозначности и жесткости применения, но в этом же состоит и его слабость, потому что богатство выражаемых смыслов иногда не

помещается в узкие нормативные рамки. И тогда смысловое членение речи подчиняет себе структурное, т.е. вкладываемый пишущим смысл диктует и единственно возможную структуру текста. Логика смысла формирует особую структуру. Смысловый принцип русской пунктуации допускает субъективное, индивидуальное написание и прочтение текста: допускаются так называемые «авторские» знаки, которые структурный принцип не принимает вообще. Этот принцип позволяет увеличить семантическую емкость высказывания, уплотнить речь, отразить в коротком тексте больше смыслов. Приведем пример:

Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волков (И. Тургенев).

Две первые запятые являются «авторскими», потому что их не требует структура предложения, но автору важно выделить смелость своего героя, который ночью (даже темной ночью!) не боится прогонять волков. Если мы эти запятые уберем, то очень важный для автора текстотенок значения исчезает. А так всего лишь две запятые передают нам мысли и чувства автора, на описание которых могло бы уйти целых два предложения.

Давайте расставим знаки препинания в нашем первоначальном тексте про часы, основываясь на смысловом принципе, и сравним оба текста.

<i>Структурный принцип</i>	<i>Смысловый принцип</i>
<i>Шли часы часами,¹ Стрелками усами Время отмеряли,¹ А потом вдруг стали,^{1,2} Видимо,² устали:³ Механизм из стали Тоже устает.⁴</i>	<i>Шли часы часами, Стрелками усами Время отмеряли, А потом вдруг –¹ стали. Видимо² устали: Механизм из стали Тоже устает.</i>

Комментируем знаки в правом столбце:

1) Интонационно-смысловое тире (всего одно тире, а не группа слов!). Подчеркивает особое смысловое значение сказуемого, на котором акцентируется все внимание (часы, не просто стали, а стали неожиданно; для автора это очень значимо, и он хочет донести до читателя значимость того, что часы внезапно остановились).

2) ВИДИМО трактуется автором как наречие, а не вводное слово (часы устали так, что это стало видно, видимо).

См. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М., 2008.

ВИДИМО нареч.

Явно, заметно для всех (устар.). Он видимо осунулся.

Внешне, по внешности (книжн.). В инкубационный период болезни в видимо здоровом организме происходит размножение микроба.

вводное слово. По-видимому, видно, вероятно. Видимо, он чем-то был рассержен.

А как вам такой вариант, основанный на смысловом принципе?

Шли часы часами,

Стрелками усами

Время отмеряли,

А потом вдруг стали:¹

Видимо, устали –²

Механизм из стали

Тоже устает.

1) Двоеточие разделяет части бессоюзного предложения. В этом случае, по мнению автора, вторая часть предложения объясняет причину того, почему часы «вдруг стали» (придаточное причины).

2) Постановка тире (вместо нормативного, в соответствии со структурным принципом, двоеточия) объясняет желание автора видеть во второй части не пояснение того, что говорится в первой (стали, потому что устали), а обобщение (заключение) сказанного раньше: так и должно было случиться, устает всё, даже сталь. Вторая часть при постановке тире приобретает заключительно-обобщающее значение.

Интонационный принцип тоже позволяет более «демократично» относиться к постановке знаков препинания, обеспечивая при этом выразительность письменной речи. Так, например, обращение можно выделить запятой, но повышенная эмоциональность, т. е. особая выделительная интонация, диктует и другой знак – восклицательный.

Во многих случаях выбор знака зависит целиком от интонации, хотя заметим, что интонация определяется смыслом.

Придут дети,¹ пойдём в парк. (1 – запятая обусловлена перечислительной интонацией, подчеркивающей последовательность событий: «сначала придут дети, а потом пойдём в парк»).

Придут дети –¹ пойдём в парк. (1 – постановка тире диктуется интонацией обусловленности: «мы пойдём в парк, если придут дети»).

Интонационный принцип – второстепенный, не основной, поэтому он часто «приносится в жертву» грамматическому: интонация может требовать знака, но грамматическая структура диктует свои условия: *Морозка опустил мешок //¹ и,² трусливо вбирая голову в плечи,³ побежал к лошадям (Фад.)*. Пауза 1 (//) находится перед союзом, но запятая 2 стоит после союза и, так как фиксирует границу структурных частей предложения (открывает деепричастный оборот). Там, где есть пауза, мы не ставим запятую, а там, где ее нет, ставим – мы пожертвовали интонационным принципом в пользу более сильного структурного.

Давайте попробуем расставить знаки препинания, активно используя интонационный и смысловой принципы.

<i>Расставьте знаки препинания</i>	<i>Вариант автора (активно используется тире)</i>
<i>Нет зимы и лета На привет ответа Нового завета Сумрака и света Времени нет счета Если нет учета Бога тоже нет</i>	<i>Нет зимы и лета, На привет – ответа, Нового завета, Сумрака и света. Времени – нет счета... Если нет учета, Бога – тоже... НЕТ.</i>

Мы видим, как применение смыслового и интонационного принципов пунктуации может увеличить семантическую емкость текста, что выражается в меньшем количестве слов, при сохранении богатства выражаемых смыслов. Это делает текст не только информативным, но и психологичным, эстетичным. Поняв суть принципов русской пунктуации, можно увлечь обучающихся

интересной игрой со знаками препинания, но игра хороша только тогда, когда все игроки хорошо знают ее правила.

Поиграйте интонацией и знаками препинания

Если нету Бога
То куда дорога
Время прекратилось
Все остановилось
Будто не родилось
Если не родилось
То и не умрет

Итак,
подведем итог
нашему
занятию.

Мы
выяснили, что
русская
пунктуация
опирается на 3
принципа:

-
структурный,
-
смысловой,

- интонационный.

Главным, ведущим принципом является структурный, который дает нам четкие правила постановки знаков препинания. Вкладываемые в текст смыслы не всегда «умещаются» в прокрустово ложе структуры предложения, и тогда расхождение между структурой и смыслом порождает варианты в пунктуационном оформлении.

Смысл, кстати, определяет и интонацию, которая «просит» постановки знаков препинания там, где структура этого не требует. Однако интонация часто отступает перед структурой предложения, и, несмотря на наличие пауз и прочих интонационных показателей, мы ставим знаки препинания в соответствии со структурным принципом.

Человек, хорошо знающий принципы русской пунктуации, не только красиво соблюдает правила, но и красиво и, главное, умело их нарушает.

ЮБИЛЕИ

Тилев Энчо Тилев
главный ассистент, доктор филологии
Пловдивский университет им. Паисия
Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: tilev.encho@gmail.com

Tilev Encho Tilev
Senior Assistant Professor, PhD
University of Plovdiv Paisii Hilendarski
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: tilev.encho@gmail.com

Э.Т.Тилев

ДОЦ. НАДЕ ЧЕРНЕВОЙ, ДОЦ. МАЙЕ КУЗОВОЙ И ДОКТОРУ ЛЮДМИЛЕ МИНКОВОЙ ИСПОЛНИЛОСЬ 60 ЛЕТ

В 2021 г., когда Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского отмечает свое 60-летие, Кафедра русской филологии Филологического факультета Пловдивского университета с радостью встречает годовщины своих коллег – доц. д-ра Нади Черневой, доц. д-ра Майи Кузовой и гл. асс. д-ра Людмилы Минковой. Все юбиляры работают уже долгие годы на кафедре, являясь преподавателями и исследователями с ярким вкладом в развитие болгарской русистики. Об этом свидетельствует перечень монографий, статей, учебников и учебных пособий, изданных ими до настоящего времени.

Доц. д-р Надя Чернева – автор двух монографий [1, 2] и более 50 публикаций в области лексикологии, лингвокультурологии и методики преподавания русского языка и литературы. Интерес к лингвокультурологии как актуальной парадигме в современной лингвистике замечается еще в ее кандидатской диссертации по теме «Семантика и символика числа в национальной картине мира: на материале русской и болгарской идиоматики», защищенной в 2003 г. в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина под научным руководством проф. Т. Н. Чернявской и проф. В. М. Соловьева. Об интересе к специфическому в русском языковом сознании свидетельствует и множество публикаций (часть их написана в соавторстве с коллегами филфака ПУ), посвященных проблемам сопоставительной фразеологии и лексикологии.

Доц. Чернева обладает чрезвычайно богатым администраторским опытом в Пловдивском университете: она была последовательно ученым секретарем и заместителем декана Филологического факультета, а с 2019 г. является проректором Пловдивского университета. Вместо с тем, она директор Центра русского языка и культуры фонда «Русский мир», открытого в ПУ в 2010 г., и директор Центра обучения иностранным языкам. Участник многих внутривузовских, национальных и международных проектов, среди которых проект новых тематических русско-болгарского и болгарско-русского словарей, разработанный Кафедрой русской филологии.

Доц. д-р Надя Чернева награждена призом «Золотая муза» (2011 г.), почетной грамотой и двумя почетными знаками Россотрудничества.

Доц. д-р Майя Кузова – член Кафедры русской филологии и воспитанница Пловдивского университет. Она посвятила всю свою профессиональную жизнь исследованию русского синтаксиса, и этот ее неиссякаемый интерес к русской грамматике выражался еще в ее кандидатской диссертации «Глагольные инфинитивные предложения в русском языке периода конца XIX – начала XX вв.: на материале художественных и публицистических произведений И. Бунина, М. Горького, А. Чехова», защищенной в 1988 г. под руководством д.ф.н., проф. В. И. Собиной в Воронежском государственном университете.

Доц. Кузова является автором одной монографии [3] и свыше 50 статей по проблемам русско-болгарской сопоставительной грамматики, а также соавтором четырех вузовских учебников по русской лексике [4, 5, 6, 7]. Из перечня публикаций юбиляра видно, что в центре ее научных изысканий стоят экспрессия и средства ее выражения на разных уровнях языка, что легло в основу изданного в 2018 г. монографического труда, указанного выше. Уже 25 лет доц. Кузова читает лекции по синтаксису современного русского языка, ведет семинарские занятия по этой дисциплине, а также занятия по практическому русскому языку. М. Кузова – научный руководитель дипломников магистерских программ Пловдивского университета и аспирантки на Кафедре русской филологии.

В 2021 г. свое 60-летие празднует и **главный ассистент д-р Людмила Минкова**. Она продолжает линию сопоставительных русско-болгарских исследований на кафедре, обогащая палитру лингвистических компетенций владением украинского языка. Этот факт не случаен, так как д-р Минкова работала долгие годы лектором болгарского языка и литературы на Украине, где поддерживала живыми интерес и любовь бессарабских болгар к родному языку и родной культуре.

Людмила Минкова защитила в 2004 г. кандидатскую диссертацию по теме «Функционально-прагматический потенциал высказываний со словами *разве* и *неужели* на фоне болгарского языка» под научным руководством проф. И. Л. Муханова в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. Функциональный и прагматический аспекты языка остаются в центре дальнейших ее изысканий, и исследования опубликованы в журналах и сборниках в Болгарии и за рубежом. Гл. асс. д-р Л. Минкова читает лекции по фонетике современного русского языка и по методике обучения русскому языку и литературе, ведет семинарские занятия по этим двум дисциплинам, а также упражнения по разным аспектам курса практического русского языка.

Выдвинутые профессиональные успехи юбиляров кафедры маркируют лишь частично их достижения в русистике. Они незаурядные личности, вдохновляющие поколения выпускников Пловдивского университета. Может быть, все же неслучаен факт, что их личные годовщины совпадают с 60-летием со дня основания пловдивской альма-матер.

Желаю им долгих лет жизни и многих творческих успехов в области русистики!

Многая лета!

Библиографический список

1. Чернева Н.П. Прецедентные феномены русского лингвокультурного дискурса. – Пловдив: Арена принт, 2013. – 267 с.
2. Чернева Н.П. Династията Романови. Щрихи към портрета. – Пловдив: Арена принт, 2019. – 74 с.
3. Кузова М.Д. Парадоксите на експресията в българския и руския език. –

Пловдив: УИ «Паисий Хилендарски», 2018. – 427 с.

4. Зозикова М.Е., Кузова М.Д., Чобанова Р.А. Учебник по лексике русского языка для студентов-филологов. – Пловдив: УИ «Паисий Хилендарски», 1998. – 224 с.

5. Кузова М.Д., Чобанова Р.А. Русский язык. Лексический курс для студентов-русистов I и II курсов. – Пловдив: УИ «Паисий Хилендарски», 2000. – 420 с.

6. Кузова М.Д., Чобанова Р.А. Слово.Ру. Лексический курс для студентов-русистов. Первая часть. – Пловдив: Контекст, 2010. – 264 с.

7. Кузова М.Д., Чобанова Р.А. Слово.Ру. Лексический курс для студентов-русистов. Вторая часть. – Пловдив: Контекст, 2010. – 267 с.

РЕЦЕНЗИИ

Баева Искра Василева
Доктор ист. наук, профессор
СУ им. Св.Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: iskravbaeva@yahoo.com

Baeva Iskra Vassileva
Professor, Doctor of History
Sofia University St.Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: iskravbaeva@yahoo.com

И.В. Баева

**Рецензия на монографию «Революция и ее преодоление. Очерки истории российской ментальности»
(автор д-р исторических наук, проф. Е.М. Кожокин)**

Аннотация: Данная статья является рецензией на недавно вышедшую монографию «Революция и ее преодоление. Очерки истории российской ментальности» (автор д.ист.н., проф. Е.М. Кожокин), Московский государственный институт международных отношений (университет), 2020. (275 с.) (ISBN 978-5-9228-2171-1).

Ключевые слова: Великая французская революция, Российская империя, история России, СССР, Г. Гапон, Николай II, революция 1905 года, российские ментальные привычки, самодержавие, революция 1917 года, М.Я. Гефтер, А.И. Солженицын

I.V. Baeva

**Review of the monograph “Revolution and its overcoming. Essays on the history of the Russian mentality”
(by Doctor of History, prof. E.M. Kozhokin)**

Abstract: A review of a recently published monograph by E.M. Kozhokin. Revolution and its overcoming. Essays on the history of the Russian mentality. Moscow, MGIMO-University, 2020, 270 p.

Keywords: Great French revolution, Russian Empire, history of Russia, USSR, G. Gapon, Nicholas II, revolution of 1905, Russian mental habits, autocracy, revolution of 1917, M.Ya. Gefter, A.I. Solzhenitsyn

Стоит ли перед современной Россией снова вопрос о революции? Это основная проблема, на которую пытается ответить в своей последней книге историк Евгений Кожокин, профессор

престижного Московского государственного института международных отношений (МГИМО), который известен в Болгарии также своим сборником статей по российской истории «Синусовия ритм от преживяното» и рассказом «Нина», опубликованном в 2014 году. Как видно даже из этих двух болгарских публикаций, профессор Кожокин не только академический ученый, но и увлекается литературой. Наверное, поэтому в его книге заметно присутствие поэзии и литературы, стихи Александра Блока, Екатерины Дашковой, Гавриила Державина, Константина Бальмонта, Владимира Маяковского, Б. Ганцева, стихотворные памфлеты, пословицы, воспоминания участников и очевидцев событий, не говоря уже о многочисленных цитатах мыслителей. Такой широкий круг источников был необходим автору, потому что книга «Революция и ее преодоление» – это не чисто историческое исследование, а попытка изучить историю российского менталитета, специфического отношения россиян к революциям, когда их отвергают, когда принимают, и как относятся к их последствиям.

Историки давно отметили одно из главных различий в современном развитии государств католико-протестантской Западной Европы, с одной стороны, и государств Восточной Европы, с другой. Дело в том, что в то время как первые с семнадцатого до девятнадцатого веков пережили политические и экономические революции, последние, наиболее ярким примером которых является Россия, осуществили необходимые изменения сверху, посредством реформ, по инициативе властей – в случае России – до начала двадцатого века этой властью было т.н. *самодержавие*. Вообще говоря, если на европейском Западе модернизация осуществляется по запросу общества, то на Востоке процесс запускается сверху, и общество только реагирует на реформы. Если мы предположим, что первый путь является революционным, то второй следует назвать эволюционным, то есть таким, в котором постепенное развитие спасает общество от глубоких потрясений и огромных человеческих потерь, связанных с революциями. Но, как известно, эта российская специфика исчезла в начале XX века, когда в стране произошли три революции подряд (1905–1907, Февраль и Октябрь 1917 года), положившие конец не только самодержавию, но и империи. Они

толкают Россию в совершенно другом направлении, но также меняют историю остального мира.

В книге профессора Кожокина мы найдем ответы на вопросы, почему и как Россия, которая в восемнадцатом и девятнадцатом веках сумела отвергнуть европейские революции, сама в двадцатом веке положила начало одному из крупнейших революционных процессов. Следует иметь в виду также то, что автор воспринимает революцию не как двигатель развития, а как опасный и нежелательный переворот в государстве, поэтому упор делается на преодоление революционных последствий. А подход к объяснению российской специфики – идеологический и философский, ориентирован на российский менталитет и его сложное отношение к вере и государственности, с одной стороны, и на нигилизм и идеализированную идею свободы – с другой.

Как и многие другие русские мыслители, профессор Кожокин основал свой тезис об отношении России к революции на вере в уникальность России. Поэтому один из первых вопросов, который должен задать себе каждый читатель, – действительно ли Россия уникальная страна. По его словам *«Российская империя являла собой уникальный государственный механизм, в котором сочетались толерантность и насилие, уважение к иным конфессиям и культурам и стремление к единообразию»*. Этот тезис можно принять, хотя есть и другие страны, в истории которых можно найти подобные сочетания. Однако то, чего мы не можем найти нигде, так это географического расположения и территориального охвата России – между Европой и Азией, между европейской организацией государства и влиянием обширных азиатских территорий Сибири и Средней Азии.

Двойственная природа России предопределяет непреходящую подозрительность, с которой внешний мир относится к этой огромной стране: другие европейские страны опасаются ее и часто обвиняют в азиатщине, тогда как в Азии она обычно воспринимается как носитель европейской культуры. По мнению автора *«Государство желало быть европейским, сохраняя страну азиатской. И желание становилось тем более императивным, чем больше французская революция обнаруживала глубочайший изъян*

европейской системы – её нестабильность. Быть европейцами, но не болеть их болезнями – головоломная, неразрешимая задача» (с. 24). Уникальность России не позволяет европейцам понять страну, поэтому Уинстон Черчилль назвал Россию «загадкой, упакованной в тайну, спрятанную в непостижимость». Эти слова о Советском Союзе датированы 1939 годом, но таким образом он выразил отношение Запада в целом, и, как мы видим, оно сохраняется и по сей день. Неприятие Россией Запада имеет обратную сторону – многие россияне тоже не принимают Запад. Могу привести два примера из книги. Первый – это слова Михаила Лорис-Меликова из отчета от 28 января 1881 года: *«Для России немыслима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы поколебать все основные его политические воззрения и внести в них полную смуту, последствие коей трудно и предвидеть...»* (с. 166); а второй – слова Александра Солженицына: *«Надежды на Запад – не было, как, впрочем, и не должно быть у нас никогда. Если и станем свободными – то только сами. Если будет у человечества урок XX века, то дадим его Западу мы, а не Запад нам: от слишком гладенького благополучия ослабились у них воля и разум»* (сс. 220-221).

Структура книги профессора Кожокина соответствует поставленной историософской цели – проследить, когда, кому и как удалось разрушить российскую консервативную традицию и подтолкнуть страну к революции (в конце XX века – к контрреволюции). Объяснив, почему Россия не последовала примеру Французской революции, автор представляет социокультурные изменения, на смену которым пришла революция в начале XX века. С этой целью он отслеживает идеи и действия трех человек, которые провоцируют революционные потрясения в России или способствуют им. Интересен выбор этих личностей: священник Георгий Гапон, писатель Александр И. Солженицын и историк Михаил Я. Гефтер. Их имена фигурируют в содержании, но текст книги показывает, что главный герой / антигерой для Кожокина человек, который навязал революционный подход в истории России XX века – Владимир Ульянов-Ленин. Ему отведено наибольшее

внимание, и для его характеристики использованы не только его публикации, обращения и действия, но и многочисленные цитаты мыслителей разного происхождения. Мы даже дважды видим ту самую цитату Троцкого: *«Старики, и не одни только старики (имеются в виду Аксельрод и Засулич. – Е.К.) ошиблись: это был уже не просто выдающийся работник, это был вождь, насквозь целеустремлённый и, думается, окончательно почувствовавший себя вождём, когда он стал бок о бок со стариками, с учителями, и убедился, что сильнее и нужнее их. В тех довольно ещё смутных настроениях, которые группировались под знаменем “Искры”, Ленин один полностью и до конца представлял завтрашний день со всеми его суровыми задачами, жестокими столкновениями и неисчислимыми жертвами»* (с. 111–112 и с. 184–185).

Было бы неверно, если бы мы интерпретировали эту книгу только как отрицание Великой революции. Такой подход уже видели в публикациях к 100-летию революционного 1917 года. Она не имеет ничего общего с сборником «Век Великой русской катастрофы 1917 года» (Сост. Леонид Решетников, Москва, 2017). Нет, книга профессора Кожокина далека от пропагандистско-политического подхода к истории. Как настоящий историк, он старается не осуждать прошлое, а объяснить, почему и как все это произошло. По его словам, одна из главных причин – нигилизм по отношению к государству (*«мы пошли на революцию нигилизма по отношению к собственному государству»*, с. 117), который приходит на смену знаменитой консервативной троице «самодержавие, православие, народность». А его чисто историческое объяснение – это нежелание правителей Российской империи учиться у умеренного консерватизма, который предпринимает изменения, чтобы сохранить суть: *«Идейная и политическая неподвижность царского режима превращалась всё более в опасность для самого существования великой империи на фоне стремительного развития всех сфер отечественной жизни»* (с. 170).

Отношение профессора Кожокина к своим главным героям показывает и его отношение к разным периодам русской истории XX века. У священника Гапона он подчеркивает ошибки и слабости характера, которые оказались решающими для начала первой

русской революции. Совершенно иное отношение к Александру Солженицыну, в котором он видит прежде всего трагическое несоответствие намерений и последствий: *«Парадоксальность его политических идей, увы, вполне органична для традиций русской политической мысли. Он был духовным восприемником не только Толстого и Достоевского (особенно Толстого), но и Бакунина и даже Ленина. Логика нравственного протеста, эмоциональный порыв мести, расчет тираноборца устремляли Солженицына на путь революции (контрреволюции?). Он решительно и последовательно приближал крах системы и в то же время ощущал опасность её полного и быстрого слома.»* (с. 220). Но, несомненно, любимцем автора является историк Михаил Дж. Гефтер, который остается полностью верным и своим идеалам, и государству, крах которого он видит и пытается остановить.

Профессор Кожокин обращается с горькими словами к современной русской интеллигенции, попавшей *«под обаяние идолов потребления и анархического (так дорогого русскому сердцу) понимания свободы»*. Другими словами, вывод этого историсофского исследования неутешителен, поскольку Россия, похоже, утратила свою уникальную специфику и встала на путь Запада, который она так долго отвергала.

IN MEMORIAM

Тилев Энчо Тилев
главный ассистент, доктор филологии
Пловдивский университет им. Паисия
Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: tilev.encho@gmail.com

Tilev Encho Tilev
Senior Assistant Professor, PhD
University of Plovdiv Paisii Hilendarski
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: tilev.encho@gmail.com

Э.Т.Тилев

IN MEMORIAM

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ЛОПАТИН (1935 – 2021)

29 июня 2021 г. не стало выдающегося российского лингвиста Владимира Владимировича Лопатина. Доктор филологических наук, профессор и главный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Владимир Владимирович посвятил всю свою жизнь изучению и описанию русского языка.

В. В. Лопатин родился 10 апреля 1935 года, а в 1958 году окончил филологический факультет МГУ. Его глубокий интерес к лингвистике и к русскому языку привел его в Институт русского языка АН СССР, куда он поступил на работу по окончании университета. С этим же институтом связана его дальнейшая исследовательская деятельность: в 1972 году он стал старшим научным сотрудником, а в 1986 г. – главным научным сотрудником. В 1988 – 1990 годах В. В. Лопатин был заместителем директора Института русского языка АН СССР.

В. В. Лопатин – один из выдающихся учеников акад. В. В. Виноградова, под чьим руководством в 1966 году он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук по теме «Способы именного словообразования в современном русском языке (нулевая аффиксация, субстантивация)». Диссертацию на соискание учёной степени доктора филологических наук по теме «Русская

словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания» он защитил в 1976 г. В 1978 – 1990 годах профессор Университета дружбы народов. В. В. Лопатин был членом Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков при Международном комитете славистов, заместителем председателя Орфографической комиссии РАН с 1988 года, председателем комиссии в 2000 – 2014 годах.

Многие его труды посвящены проблемам русской орфографии, и под его руководством создано большое количество орфографических словарей, отражающих новейшие тенденции в русском правописании. С его именем связана также орфографическая реформа, которую планируют провести в ближайшие годы. Она направлена на устранение некоторых неточностей и на унификацию отдельных правил, а также на более детальное рассмотрение способов написания заимствованных слов последних десятилетий, которые в большинстве своем еще незафиксированы в словарях.

Автор книг «Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования» (1973), «Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания» (1977), «Многогранное русское слово. Избранные статьи по русскому языку» (2007); соавтор книг «Русское правописание сегодня. О «Правилах русской орфографии и пунктуации» (2007), «Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика» (2009) и др. Им написаны отдельные разделы «Грамматики современного русского литературного языка» (1970), «Русской грамматики» (1980) и множество других грамматик русского языка. В. В. Лопатин является соавтором и ответственным редактором нескольких орфографических словарей русского языка.

Вся профессиональная деятельность проф. В. В. Лопатина является ценнейшим вкладом в изучение русского языка, и его трудами и в дальнейшем будут руководствоваться поколения русистов.

Вечная память!

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bgrusisty@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликованные **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru
Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University

Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru (10 пт.)

И.В.Борисов (11 пт.)

**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**

(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V.Borisov (11 пт.)

THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE

(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами

Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски – постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // Стиль. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

А Д Р Е С   Р Е Д А К Ц И И   Ж У Р Н А Л А

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bgrusisty@gmail.com